

Настроение верующей души по Троице Постной

[Епископ Афанасий \(Сахаров\)](#)

Предисловие

Святой Ириной Лионский сравнивает Церковь Православную с сокровищницей, в которую в полноте положено все принадлежащее истине. Но не та сокровищница славна, богатство которой составляют бесформенные груды драгоценностей, а славна и достойна того, чтобы уделять время на ее обозрение, та сокровищница, где хранятся драгоценности, прошедшие через руки художников, представляющие собой произведения искусства, привлекающие взоры посетителей замысловатостью форм, красотой и изяществом отделки. Такова именно славная сокровищница Церкви Христовой. Хранимое в ней богатство истины неоценимо само по себе. А прошедшее через руки художников и строителей Церкви: святых апостолов, вселенских отцов и учителей, - оно предстает благоговейному взору ее чад как великое множество дивных произведений искусства. Возьмите богодухновенные апостольские и отеческие писания, где раскрывается и уясняется Христова истина! А великое множество чудных молитв и песнопений церковных! В них заключается высочайшее богословие, а вместе и глубочайшая психология. Величайшие истины веры и жизни раскрываются в нашем богослужении, в его составных частях.

Здесь и непостижимая истина Троице Божества, и неведомая тайна Боговоплощения. Здесь же вся душа человеческая, богоподобная по своему происхождению, но ныне падшая, греховная, ищущая и алчущая Божией милости и Божией правды. Здесь вообще все домостроительство спасения нашего. И все это раскрыто в такой полноте, что дальше, кажется, и идти некуда, так что доподлинно отсюда всякий желающий может почерпнуть питание жизни, утолять свою жажду духовную, как велика ни была бы она.

Неисчислимы богатства духовные, заключающиеся в нашем богослужении, в наших книгах церковных, в своем сочетании представляют дивную гармонию, заключены в чудную оправу священной поэзии. Здесь и величественные хвалебные гимны дивному и высокому, паче всех царей земных, Творцу и Промыслителю Богу. Здесь же за сердце хватающие, способные заставить плакать и зачерствелую душу скорбные элегии, покаянные вопли грешного человечества, на стране далече тоскующего об

утраченном отечестве. Богатство смысла и разнообразие содержания наших церковных песнопений облечено в изящные формы изложения, и сила мысли соединяется со стройностью и звучностью слова, с легкостью и красотой выражений.

А наш священный церковно-славянский язык?! Что ни говорите о его непонятности, о его устарелости, - никогда самая изящная литературная русская речь не заменит его красоты, его, если не грешно так сказать, чарующей красоты. Конечно, чтобы ощутить эту красоту славянского языка, нужно развить в себе особый вкус. Не всегда, может быть, поймешь эту красоту, не всегда сумеешь изложить чувства восхищения этой красотой, ее чаще можно только почувствовать сердцем. То же, впрочем, нужно сказать и обо всем вообще нашем богослужении: его трудно понимать, легче чувствовать. Это и понятно. Что такое богослужение в своем существе, как не внутреннее общение твари с Творцом, глубоко интимная беседа души богоподобной с Самим Богом на том неизреченном языке, который слышал небошественный Павел на третьем небеси. Богослужение - это чистейшее созерцание, это как бы растворение души в Боге до забвения всего земного. Вся внешняя сторона богослужения, вся внешняя его обстановка - лишь среда, способствующая созданию именно такого настроения, облегчающая человеку земному и перстному, падшему и греховному, погруженному в заботы и житейские попечения, отрешиться, хотя бы на время, от уз плоти и земли, дабы он мог напитать свою душу, утешить ее величайшею для нее радостью богообщения, богосозерцания. И священные церковные песнопения, составляющие важнейшую часть нашего богослужения, имеют ту же задачу. И тогда, когда они указывают нам и уясняют высоты богословия, и тогда, когда раскрывают пред нами глубочайшие извилины нашей собственной души (которую, кстати сказать, мы сами-то уж очень худо знаем, а вернее, даже совсем не знаем), священные песнопения и молитвы преследуют одну цель - возвысить нас от земли к небу, возвести на степень созерцания и богообщения, о чем, по слову апостола, *человеку нельзя пересказать* (2Кор.12:4).

Такова задача церковных молитв. Понятно поэтому, что если и отличаются они красотой и изяществом, то эти красота и изящество - духовные, более небесные, чем земные. И для того, чтобы ощутить и оценить их, нужно особое некое чутье, особый некий вкус. Как для привыкшего к изысканным, хотя, быть может, и не всегда полезным и здоровым яствам и питьям, неприятна будет простая, хотя бы и здоровая, пища, - так и для человека, привыкшего к земной, чаще всего греховной, ласкающей страсти

красоте светской литературы и поэзии, может казаться непонятной и совсем безынтeресной чудная духовная красота священных церковных гимнов, красота, правда, соединенная в большинстве случаев с силой мысли и чувства, но зато и отличающаяся замечательной красотой и безыскусностью. Многие из молитв и песнопений церковных не были плодом искусственного сочинительства, но непосредственно выливались из души лучших представителей Церкви, не всегда даже в достаточной мере образованных, в моменты их наибольшего вдохновения, в моменты духовного подъема и восторга. В наших церковных песнопениях "не холодный рассудок размышляет о великих делах и истинах христианства; в них душа, в избытке чувств, то вся устремляется к одному предмету, то переносится от одного к другому живо и скоро" [1]. Но вместе с тем о многих молитвословиях Православной Церкви можно сказать, что они составлены не витийственно, без красоты ораторской. Но разве одна внешняя красота и художественность риторической отделки может умилить сердце, возвести его к созерцанию? "Не пышные слова, - говорил преподобный Феодор Студит одному благочестивому мужу, прежде любившему составленные преподобным песнопения, а потом охладевшему к ним под влиянием неодобрительных отзывов о том, что писания святого якобы грубы, без красоты ораторской, - не нарядные выражения сокрушают сердце, но слово смиренное, составленное на пользу и по всему здоровое; такое слово предпочитаю я всякой учености, всякому нежному стихотворению, забавляющему один только слух" [2].

Впрочем, многие церковные песнопения могут удовлетворить и требованиям, предъявляемым к литературным произведениям. Возьмите, например, наши каноны на двенадцатые праздники. Не говоря о глубине содержания, какой высокий слог, какое здесь богатство всяких оригинальных выражений, какие смелые сравнения, и все это в таком изящном сочетании, в такой строгой последовательности! Есть даже образцовые произведения поэзии. Таковы, например, некоторые каноны святого Иоанна Дамаскина, написанные правильным стихотворным размером. Или, например, известный акафист Богоматери, в котором припевы икосов "радуйся!" написаны прекрасными рифмованными стихами, с созвучными словами не только в конце, но и в середине каждого стиха, причем в каждых двух соответствующих стихах содержится одинаковое число слогов [3]. И думается, что чтение этого акафиста в подлиннике красотой и звучностью стиха может привести в восхищение ценителя древней поэзии.

Было время, когда книги богослужебные были настольными книгами русского человека, по ним он учился грамоте. Чтением этих книг он начинал и заканчивал свой день, так как, по древнерусским правилам, умеющие грамоте должны были ежедневно вычитывать на дому все службы церковные. Естественно, что тогда многие и многие хорошо знали содержание книг церковных, знали наизусть немалое количество молитв и песнопений. Они не скучали в церкви так, как скучают в наше время, не разбирая за богослужением слова совершенно незнакомого текста. Тогда не было столь резкого, как теперь, разграничения времени богослужения и остального времени дня. Богослужение как бы переносилось и во весь домашний обиход. Характерно, например, то, что по уставу трапеза представляется как бы продолжением богослужения. В Типиконе весьма часто встречаются такого рода заметки: "Причастен такой-то. Бывает же на трапезе утешение братии". Так, конечно, должно быть не в обителях только, а и у мирян. Так действительно и было у наших предков. В "Домострое" читаем: "И вкупе, в дому сем, благодаряще Бога, по Божественной литургии, трапезу поставляют; ядят и пьют, священнический чин и мнишеский, и прочие приходящие, и маломожнии тутож; и удовлетены всячески, и одарены, отходят в дома своя, благодаряще Бога" [4]. Замечательно, что эти последние слова "отходят в дома своя, благодаряще Бога" - почти буквальное повторение заключительных слов в чине литургии святого Иоанна Златоустого. Так у наших предков богослужение как бы сливалось со всей остальной жизнью, или, вернее, вся жизнь их, расположенная по церковному календарю, была как бы сплошным богослужением. Конечно, были и тогда грустные исключения, но они были именно исключениями. Может быть, тогда наши предки и не осознавали надлежащим образом идеи Церкви, но они сердцем чувствовали непосредственную близость Церкви, вне которой нет спасения; они реально, а не номинально только жили в ней.

Не то наблюдается в наше время. Жизнь семейная и общественная совсем уклоняется от жизни Церкви. Да, мы ходим на праздник в храм, выделив во всю неделю три-четыре часа на церковную службу (на то, чтобы посидеть за картами, мы, пожалуй, не пожалеем целых нескольких ночей), мы, пожалуй, прочитаем две-три молитвы утром и вечером, мы даже перекрестимся перед обедом и ужином, но и только. О сознательном же участии в жизни Церкви, как живых членов единого Тела Христова, почти не приходится говорить. Мы даже не имеем определенного представления о Церкви, чаще всего разумеем под словом "церковь" только здание, в котором

совершается общественное христианское богослужение. Мы не понимаем идеи Церкви, но мы и не чувствуем ее близости, не осознаем необходимости живого общения с ней, не ищем его. Много причин, породивших это печальное явление, и среди них далеко не последнее место занимает то обстоятельство, что мы мало прилагаем старания к сознательному участию в богослужении. "Взаимная молитва, - говорит А.С. Хомяков, - это кровь Церкви, и славословие Божие - ее дыхание" [5]. Не участвуя в общей церковной молитве (наше посещение храма не всегда означает такое участие), мы становимся в положение руки, которая, отказавшись от крови остального тела, отсыхает. Так и мы, задерживая или даже прекращая правильную циркуляцию крови между нами и остальным Телом Церкви, постепенно удаляемся, отделяемся и отпадаем от жизни Церкви. И наоборот, молитва церковная приобщает нас к Телу Церкви.

Но действительной может быть только молитва сознательная, осмысленная. Конечно, Господь внимает и бессмысленной подчас молитве крестьянина, являющейся плодом его слепой, безотчетной веры. Но для чего же дан человеку разум, как не для того, чтобы он осмысливал свои действия, чтобы всегда и во всем старался поступать разумно. Конечно, и религиозные действия его не должны совершаться бессознательно; в частности, его общение со всею Церковью в молитве, его беседа с Господом не должна быть неразумна, бессмысленна. Для того же, чтобы она не была таковой, для того чтобы молиться сознательно, необходимо вникать в содержание и смысл церковных молитвословий. Необходимо поэтому более близкое знакомство с составом, порядком и значением нашего богослужения, с самим текстом молитвы, с книгами церковными.

Здесь, кажется, уместно сказать несколько слов о преподавании объяснения богослужения в наших школах на уроках Закона Божия, и в особенности о преподавании литургики в наших семинариях. Собственно, у нас преподается нечто о богослужении, но в понимание самого богослужения ученики почти не вводятся. Конечно, необходимы все эти вводные сведения, например о храме и т.д. Необходимо изъяснение общего смысла девяти суточных служб, смысла отдельных обрядов и действий, но этим едва ли можно ограничиваться. У нас же по большей части этим и ограничиваются. Вот перед нами изданная Училищным советом при Святейшем Синоде в качестве учебного руководства книга "О богослужении Православной Церкви" Гермогена, епископа Псковского. Берем наудачу из отдела о вечернем богослужении: "Вечерня... вкратце изображает сотворение мира и человека...

Сотворение мира и человека изображается в 103 псалме, который читается в самом начале вечерни" [6]. А вот из другого руководства к изучению церковного устава, по которому мы учились в духовном училище: "Вечернее богослужение должно изображать нам времена ветхозаветные... В предначинательном псалме мы слышим величественное изображение шестидневного творения мира" [7]. И только. Такими двумя-тремя фразами ограничивается часто все объяснение богослужения. А как в учебниках, так и на уроках! Конечно, едва ли принесет какую пользу такое изучение богослужения. Помню, в духовном училище, получив учебник по уставу, я поспешил прочесть его и, когда читал объяснение вечерни, никак не мог понять, в чем же выражается здесь мысль о творении, и понял только тогда, когда сам прочитал целиком 103 псалом.

В духовных школах изучается церковный устав. От учеников требуется, чтобы они знали, как соединяется служба полиелейная с воскресной; как соединяются каноны в седмичные дни, как поются каноны в Великий пост и т.д. Все это хорошо знать и, может быть, необходимо. Но думается, что изучению Типикона должно предшествовать более или менее основательное знакомство с самим содержанием составных частей богослужения, с содержанием всего, по возможности, круга богослужебных книг. Учеников предварительно нужно ввести в понимание самого содержания богослужебного текста: разъясните им не только общий смысл той или иной службы, а познакомьте их с его составными частями. Тогда не будут ученики скучать над церковным уставом.

Вот, например, читаем мы в Типиконе под 15 августа: "На велицей вечерне поем: *Блажен муж* - 1 антифон. На *Господи, воззвах* стихиры на 8, глас 1. *Слава, и ныне*, глас тойже: *Богоначальным мановением*: На литии стихиры самогласны, глас 1. *Слава*, глас 5: *Приидите, празднлюбивых собор*: *И ныне*, глас тойже: *Воспойте, людие*:" и т.д. Конечно, на первый взгляд, все эти и подобные предписания Типикона могут показаться неинтересными, даже бессмысленными. Заставьте ученика выучить такую тираду и, несомненно, сразу же отобьете у него всякую охоту заниматься дальнейшим изучением церковного устава. Но вы прочтите предварительно все эти стихиры, эту дивную, например, стихирю "Богоначальным мановением", эти чудные "Приидите, празднлюбивых собор" и "Воспойте, людие" - и вам не покажутся уже неинтересными и бесполезными замечания Типикона. И вообще, перечитайте Минеи, Октоихи, Триоди, и вы поймете и усвоите без особого труда весь церковный устав, вы по достоинству оцените и с глубоким

уважением станете относиться к этим сухим, как казалось раньше, перечислениям количества стихир и тропарей. Вы почувствуете, что иначе и быть не может. Вы увидите сквозь эти неинтересные, как полагали вы прежде, заметки любящую руку человека, которому дороги, бесконечно дороги были все эти стихирны, самогласны и подобны, который, сам на себе испытал их благодатное действие, теперь тщательно записывает, когда, сколько и как петь их, чтобы это пение в возможно большей мере оказало такое же благодатное действие на верных чад Церкви, собравшихся, по заповеди Христа, воедино, дабы почтить тот или иной праздник общию молитвой.

Говоря так, мы отнюдь не хотим сказать, что изучение литургики нужно свести к чтению подряд богослужебных книг. Нет, богослужение нужно изучать практически. Ученики духовной школы должны принимать самое активное участие в богослужении, в чтении и пении, которые необходимо поставить на надлежащую высоту. Таким образом можно бы было постепенно ознакомиться со всем неисчислимым богатством наших церковных книг, осмотреть всю эту громадную сокровищницу подлинно дивных произведений религиозного творчества. И несомненно, польза от этого была бы огромна, особенно для будущих пастырей и клириков. Тот, кто сознательно относится к тексту молитвословий, кто продумал и прочувствовал их, кто полюбил их (а продумав, нельзя не прочувствовать, прочувствовав, нельзя не полюбить), тот пожалеет комкать и искажать их так, как это делается у нас сплошь и рядом. Он позаботится о том, чтобы разумно и внятно читались и пелись священные творения святых людей, принятые Церковью в употребление ради общей пользы и назидания. Это, конечно, весьма привлечет мирян к службе церковной, ибо несомненно, что невнятное и бессмысленное чтение и пение отталкивают богомольцев от посещения храма, затрудняют участие в общей молитве. Разумное и внятное чтение скорее возбудит и в самом чтеце, и в предстоящих надлежащее молитвенное настроение, являющееся средством приобщения к жизни Церкви.

Сколько минут духовного восторга, религиозного подъема переживает вдумчивый читатель наших церковных книг! Содержание их всегда так близко грешной кающейся душе. Сколько песнопений, кажется, написано именно для тебя. И только с чистым сердцем стоит ради своей и общей пользы и спасения совершать церковные службы и участвовать в них, даже на дому для себя читать священные песнопения, и они, несомненно, произведут свое действие, они разбудят нашу душу, оторвут нас от земли и обратят к Небу, они поставят

нас хотя бы на первую ступень той лестницы богообщения и созерцания, на вершине которой стояли богодухновенные песнотворцы.

Много говорят о том, что разумному отношению к богослужению мешает устарелый и почти непонятный славянский язык. Не будем спорить, что в наших церковных книгах есть мысли неудобовразумительные, темные, неудачные по конструкции речи. Это объясняется отчасти тем, что многие молитвословия, представляющие в подлинниках великолепные произведения литературы, написанные красноречивою прозою, а многие даже стихами, были переведены нашими переводчиками буквально, слово за словом, с сохранением греческой конструкции речи, не свойственной нашему языку. Некоторые слова были переведены неточно, неправильно, некоторые же, которым почему-либо переводчики затруднились подобрать соответствующие славянские, оставлены без перевода. Немало ошибок в пунктуации. Конечно, желательно, чтобы все погрешности перевода были исправлены по сличению с греческим текстом, но решительно нет надобности уничтожать славянский язык и вместо него вводить в богослужение русский. В настойчивых требованиях отставить славянский язык сказывается не наше непонимание, а наше нежелание понимать его. Нам непонятны "бысть" и "сего", "яко" и "аки", нам непонятны двойственное число и дательный самостоятельный! А между тем мы наполовину разбавляем свою русскую речь иностранными словами и оборотами, и тот человек считается более развитым и образованным, кто более употребляет этих совершенно чуждых русскому языку терминов, как будто у нас не найдется своих подходящих слов. Мы тщательно изучаем иностранные языки, что, конечно, весьма и весьма полезно. Но много ли времени уделяется на изучение родного и священного церковно-славянского языка? Сосчитайте, сколько часов в неделю посвящается в духовной школе на иностранные языки и сколько на славянский? А о светской школе лучше и не говорить... Нет, не о переводах наших церковных книг на русский язык следовало бы говорить, а о большем внимании к славянскому языку. При лучшем знании славянского языка, при вдумчивом отношении к тексту молитв даже самые неудачные по переводу, самые запутанные по конструкции, как, например, ирмос 9-й песни 2-го канона на Рождество "Любите убо нам", на который обычно всегда указывают как на образец неясности, - и такие даже места будут понятны. Вообще же церковно-славянский язык "своею прикровенностью, священной важностью способствует охранению святости и чистоты заветных истин, проповедуемых в церковных богослужениях. Повседневный язык наш, конечно, выражает и точнее, и понятнее известную мысль. Но он мало тронет

сердце, мало возбudit в нас благоговейных чувств. А в некоторых случаях слишком яркой реалистичностью может привести к кощунственным выпадам и ослаблению религиозности" [8].

Содержанию богослужебных книг как-то мало уделяется внимания и нашей богословской литературой. Даже в области сочинений по литургике не найдется более или менее подробного изложения содержания хотя бы великопостного богослужения. Триоди Постной еще посчастливилось более других наших церковных книг. Тогда как, например, о содержании Октоиха, кроме указания, какие молитвословия и в какой последовательности помещены в нем, почти ничего не говорится даже в руководствах по литургике и церковному уставу [9]. Издаются популярные брошюры, изъясняются (особенно в проповедях) отдельные молитвословия. Особенным вниманием пользуется Великий канон святого Андрея Критского. Но в истолковании отдельных великопостных молитвословий дело ограничивается только самыми известными и более употребительными, как, например, молитва святого Ефрема Сирина, "Душе моя", "Прииде пост". А в изъяснении великопостного богослужения обычно не идут дальше указания на то, что в приготовительные Недели воспоминаются мытарь и фарисей, блудный сын, Страшный Суд и падение праотца; в 1-ю Неделю поста воспоминается Торжество Православия, во 2-ю - святитель Григорий Палама, в 3-ю - поклонение Кресту, в 4-ю - святой Иоанн Лествичник, в 5-ю - преподобная Мария Египетская. Излагаются жития этих святых и указывается глубокая связь этих воспоминаний со Святой Четыредесятницей. Подобного рода изъяснения показывают, что составлены они без достаточного знания Постной Триоди. В самом деле, воспоминания приготовительных Недель имеют тесную органическую связь с идеей Великого поста. Но какое прямое отношение к Великому посту имеют воспоминания Торжества Православия, Григория Паламы, Иоанна Лествичника, Марии Египетской? Вопросы о том, как произошел тот или иной праздник, почему он совершается в то или другое время, обычно выясняются в праздничном синаксарии. В синаксариях приготовительных Недель и Недели Крестопоклонной прекрасно выяснено то, какую тесную связь с идеей Великого поста имеют воспоминания этих Недель. И наоборот, в синаксариях остальных Недель поста об отношении воспоминаемых событий и лиц к идее поста почти ничего не говорится. Особенно интересна в этом отношении заметка синаксария 4-й Недели, где ясно выступает характер внесения в Постную Триодь службы преподобному Иоанну Лествичнику. В греческой Триоди читаем: "Память его (преподобного

Иоанна) совершается 30 марта. Празднуем и ныне, потому что с самого начала Святой Четыредесятницы начинают постоянно читать в святых монастырях Лествицу его слова". В славянской Триоди нашли более удобным совсем не печатать этой заметки. А на 5-ю Неделю даже нет совсем синаксария. В нашей Триоди пред началом службы 5-й Недели стоит такая заметка: "Поем и Минеи последование случившагося святаго. Инии же последнейшии (позднейшие) предаша пети в сию Неделю последование преподобныя матере нашея Марии Египетския". Вообще воспоминания Недель Великого поста суть минейные воспоминания, и как таковые не могут иметь органической связи с остальным великопостным богослужением. Часть этих воспоминаний - преподобных Иоанна Лествичника, Марии Египетской и даже поклонение Кресту [10] - привнесены в великопостное богослужение потому, что по древнему обычаю не полагалось совершать праздник в будние дни Великого поста, а следовало их переносить на субботы и дни воскресные (51-е правило Лаодикийского Собора). "Понятно, почему в нашей Триоди минейные памяти распределены по субботам и Неделям" [11]. Службы святых Иоанна Лествичника и Марии Египетской перенесены в Триодь из Минеи: например, в славянских дониконовских Триодях они даже и не помещались - за ними рекомендовалось обращаться к Минеям. Память святого Григория Паламы внесена в Триодь уже в XIV веке, несомненно, по полемическим мотивам [12].

Таковы основания для тех праздников, которые совершаются в Недели Великого поста. А в большинстве трудов по изъяснению и истолкованию великопостного богослужения указываются только эти памяти. Отводятся отдельные рубрики, где подробно излагаются, например, жития воспоминаемых святых и указывается глубокая идейная связь данного воспоминания с Великим постом.

А между тем все Недели и седмицы Великого поста имеют свои особые воспоминания, стоящие в столь же тесной связи с идеей Великого поста, как и воспоминания приготовительных Недель. Раскрывши в течение первых двух седмиц значение и условия истинного поста, Святая Церковь в богослужении 2-й Недели и следующей седмицы вторично обращается к притче о блудном сыне, равно как в 3-ю Неделю и 4-ю седмицу - к притче о мытаре и фарисее, из содержания которых почерпает мысли для песнопений этих седмиц. В основу богослужения 4-й Недели и 5-й седмицы положена притча о впадшем в разбойники, с которым сравнивается грешная душа, уязвленная своими страстями и ожидающая врачевания единственно от милосердия Спасителя. Содержание богослужения 5-й Недели и следующей седмицы заимствуется из

притчи о богаче и Лазаре. Грешник приглашается оплакивать свое богатство страстями и сладостями и скудость добродетелей, приглашается молить Спасителя, дабы избавил его части немилосердного богатого и упокоил вместе с Лазарем в недрах Авраама. Ясно, в какой живой связи с идеей Великого поста стоят эти воспоминания. И о них почти не упоминают истолкователи богослужения. Так, протоиерей Георгий (Дебольский), говоря, например, о богослужении 2-й седмицы, находит возможным только в сноске сказать, что "притча о блудном сыне изъясняется в каноне второй Недели святой Четыредесятницы" [13]. На самом деле эта притча, как выше сказано, служит основой для молитвословий всей последующей седмицы.

Так дело обстоит в области сочинений по литургике, где если и есть сочинения о богослужении, то они главным образом касаются порядка и содержания неизменяемых частей богослужения (Служебника и Часослова), почти не касаясь содержания переходных (Октоиха, Миней, Триодей). А сочинения об отдельных церковных книгах почти не идут дальше обзора плана, состава, редакций их. Конечно, громадное значение имеют и эти работы для литургики. "Теория церковного богослужения, - говорит архиепископ Черниговский Филарет, - не опирающаяся на исторические данные, - ложная теория сама по себе и вредная по последствиям. Тут гуляет произвол, наводящий туман и на ум, и на сердце. По его милости в толковании одного и того же обрядового действия, одной и той же обрядовой принадлежности встречаете пять и шесть толкований разных" [14]. Но все же исследования о плане, составе, редакциях той или иной богослужебной книги - это сухие скелеты, не облеченные плотью, не имеющие духа. Для человека, с увлечением занимающегося медициной, скелеты представляют громадный интерес и цену, но простой человек, пожалуй, даже испугается, когда увидит голый костяк. Так и с сочинениями вроде "Постной Триоди" И. Карабинова. Эта весьма ценная диссертация предназначена лишь для узкого круга специалистов, она много дает для ума. Рядовому же христианину, который ищет удовлетворения своему сердцу, она почти ничего не дает, кроме, пожалуй, горького разочарования.

Что касается сочинений чисто богословских, то ставится даже такой вопрос: "Можно ли пользоваться церковно-богослужебными книгами как источником для ученой работы?.. Ведь это - материал, далеко научно не разработанный... В нем я находил нечто несогласное с тем, что пишется в наших догматиках" [15]. Конечно, если оценивать содержание наших богослужебных книг с точки зрения, например, догматики архиепископа Макария, в них, может быть, найдется немало несогласного с ней. Но не лучше

ли нашу догматику проверить по богослужебным книгам? Последние, будучи приняты всею Церковью и употребляясь именно от лица всей Церкви, "служили и служат, - по верному замечанию покойного профессора по кафедре церковной археологии и литургики А.П. Голубцова, - выражением церковного веросознания, а не являются отражением воззрений на изучаемый догмат отдельных только лиц, отцов и учителей Церкви" [16].

А между тем какие богатства заключены в наших церковных книгах! И приходится только жалеть, что у нас почти не заглядывают в них: последнее происходит главным образом от незнания их. Стоит только начать читать их, конечно, без какой-либо предвзятой мысли, чтобы потом не оставлять этого занятия; особенно пастырям Церкви необходимо близкое знакомство с этими книгами. Мы уже указывали, как это необходимо для разумного совершения службы церковной. А какой богатый это источник для личного назидания! Какой неисчерпаемый кладезь материала для проповедей!

С самого детства привлекали меня наши богослужебные книги. С духовного училища любил я читать в церкви, особенно читать каноны. Тогда же начал я приобретать отдельные дешевые издания церковных служб. Теперь же, готовясь выступить на самостоятельное служение Церкви и именно в священном сане, особенно желая послужить в качестве преподавателя литургики, решил я еще ближе познакомиться, подробнее изучить содержание наших книг. И вот ныне полагаю скромное начало...

Беру Триодь Постную, так как великопостное богослужение производит особенно сильное впечатление, ибо покаянный по преимуществу характер молитвословий Триоди наиболее отвечает настроению души верующего, сознающего свою греховность и плачущего об утраченном небесном блаженстве. В Великом посте "христианская Церковь владеет воспитательным орудием такой силы и значения, о которых едва ли можно составить себе достаточное понятие" [17]. Этим воспитательным орудием, конечно, прежде всего является великопостное богослужение. Поэтому основательное знание Триоди для пастыря Церкви особенно необходимо.

Знаю, ниже всякой критики настоящее сочинение. Причина этого в том, что книга, взятая для изучения, принадлежит к числу тех, которые суть "ветшаны", которые складывались в течение многих веков, в которых заключаются богатства, последовательно собиравшиеся длинным рядом хранителей церковной сокровищницы. А ум молод не дошел, и ему ли было удовлетворительно исчерпать неисчерпаемую сокровищницу Триоди

Постной? Автор одного только хотел - поближе познакомиться с содержанием взятой книги, что посильно и сделано им.

Введение

Объятия Отча отверсти ми потщися, блудно иждих мое житие, на богатство неждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою. Неделя блудного сына, седален по 3-й песни канона

Эти слова церковной песни прекрасно характеризуют то настроение, которое Святая Церковь старается создать в душах верных своих сынов всем великопостным богослужением, - сознание своей нищеты и недостойности, своего окаянства и падения, умиленный вопль о своих согрешениях и вместе надежда на то, что любящий Отец откроет Свои объятия и для блудного сына. Впрочем, таково вообще настроение христианина во всякое время. Святая Церковь во время поста прилагает особые старания сделать его, так сказать, более интенсивным. Вообще же, как пост из снисхождения к нашим немощам назначается в известные сроки, хотя он во всякое время полезен, так и покаянное настроение, хотя особенно усиливается в дни Великого поста, должно быть свойственно христианину во всякое вообще время. Христианство есть постоянный подвиг покаяния. В дальнейшем мы укажем, почему это так, теперь же подтвердим это ссылкой на наше богослужение. Сознание своей греховности и просьба о помиловании, о прощении - один из основных мотивов всего богослужения. Там чаще всего раздаётся покаянно-молитвенный вопль "Господи, помилуй!" А, например, среди песнопений будних дней, которые берутся из Октоиха, сколько таких, которые по своему покаянному характеру почти не уступают великопостным! Целые каноны в Октоихе (на понедельник и вторник) надписываются как каноны покаянные, поэтому и Триодь Постная представляет интерес не для одного только времени Великого поста. В ней человек представляется таким, каков он есть, указывается, к чему он должен всегда стремиться, каким должен быть. И говоря о настроении верующей души по Триоди Постной, мы не особое настроение думаем характеризовать, а то, которое должно быть свойственно христианину во всякое время. Лишь в дни светлых церковных торжеств оно несколько изменяется, и то не в качестве, а, так сказать, в количестве.

Вне всякого сомнения, что во время Великого поста усиливается покаянное чувство. Но значит ли это, что в другое время его может не быть? Разве в другое время мы меньше грешим? Наоборот, стоит припомнить, какая перемена с наступлением Великого поста происходит во всем распорядке жизни. Ни шума, ни веселья, бывших в предшествующие дни масленицы; всюду какая-то благодатная тишина, прерываемая лишь мерными протяжными звуками церковного колокола. Так к лучшему изменяет пост и поведение, и настроение христианина. И если в эти дни, когда мы более, чем в другое время, похожи на христиан, Церковь зовет нас к покаянию, то, конечно,

должны быть памятны и во все остальное время великопостные покаянные уроки. Недаром и святые отцы зовут нас, отпраздновав Пасху, идти и далее в духе великопостного времени, чтобы не растратить приобретенного в продолжение его, а умножить [18]. Таким образом, мы будем говорить не о великопостном только настроении, а вообще о настроении верующего христианина, хотя будем излагать его так, как оно изображается в богослужении Триоди Постной. При этом будем касаться только песнопений Триоди, оставляя чтения из Священного Писания - паремии. Конечно, и эти последние имеют тесную связь со всем великопостным богослужением, и они дают много материала для характеристики того настроения, которое должно быть свойственно верующей душе. Но рассмотрение паремий Триоди, которые в своей совокупности представляют целые книги Священного Писания, слишком далеко уклонило бы нас в область экзегетики. К тому же весьма многие места Священного Писания из тех же паремий раскрываются в песнопениях Триоди, и эти последние сами по себе, помимо паремий, представляют богатый материал для характеристики христианского настроения. Таким образом, единственный источник сочинения - песнопения Постной Триоди. Для того, чтобы понимание христианского настроения не было слишком субъективно, мы пользуемся писаниями лучших представителей христианства, богомудрых аскетов-подвижников.

То или иное настроение всегда складывается под влиянием тех или других условий, окружающих данного человека. И говоря о его настроении, мы не могли бы сделать верную оценку его, если бы предварительно не приняли во внимание условий, повлиявших на его образование. Точно так же, говоря о настроении верующей души, необходимо предварительно указать, в каком положении, в какой среде находится она, какие обстоятельства влияют на нее, а затем уже характеризовать и самое настроение. Поэтому в начале этого сочинения указывается, каков был первоначальный человек, каков стал он после грехопадения, прибавляя к грехам праотца собственные прегрешения, желая делать доброе и совершая только злое, - обстоятельства, оказывающие решающее влияние на образование настроения христианина (первая глава). Такое положение в верующей душе христианина возбуждает постоянное покаянное настроение, сокрушение и плач о своих грехах (вторая глава). Это настроение должно сопровождаться постоянным подвигом в надежде на милость и помощь Божию (третья глава). А за подвиг ожидает величайшая награда - сретение будущей Великой Пасхи Христовой и упокоение в Небесном Царстве любвеобильного Отца (заключение).

Глава первая

Создатель мой Господь, персть от земли прием мя, живоносным дуновением вдушив оживи, и почте на земли начальствующа видимыми всеми, и Ангелом купножителя. Сатана же льстивый, сосуд змия употребив, снедию прельсти, и Божия славы разлучи, и преисподнейшей смерти предаде в землю, но яко Владыка и Благоутробен, паки воззови. Неделя сыропустная, стихира на Господи воззвах

Человек из рук Божиих вышел как венец творения. Будучи Божиим созданием, хотя и взятый от персти, но оживленный Божественным дуновением, он вместе со всеми остальными творениями был наделен первозданной добротой и благолепием. И если все вообще по созданию было **добро зело**, то тем более это нужно сказать о венце творения - человеке. Изукрашивший всю природу должен был наделить его этими качествами в превосходнейшей мере, как царя земных всех созданий (Неделя сыропустная, стихира на хвалитех 1-я). И подлинно, человек был почтен многообразными дарами от своего Творца. Он был наделен красотой ума, облечен Божией славой, но главное отличие его заключалось в том, что он был почтен еще образом Божественным. Он являлся как бы некоей царской драхмой, носящей на себе изображение своего Владыки. Это величайшее преимущество человека пред всеми остальными тварями - ношение в себе образа своего Творца и Владыки - заключалось главным образом в бессмертии и свободе, которыми он был наделен. Ему было даровано нескончаемое веселие, он был присносущною славой бессмертия облечен (Неделя сыропустная, стихира на хвалитех 1-я). Будучи жителем всеблаженного рая, который и насажден был ради человека, и наследником присносущного Царствия и сладости, имея от Бога повеление наслаждаться красных и сладких, и немимотекущих плодов (Неделя сыропустная, тропарь 1-й песни канона), он, кроме того, мог пользоваться еще плодами древа жизни, того древа, питаясь от которого, человек оставался бы даже по телу безболезнен и бессмертен.

Другим отличительным свойством человека была свобода. Человек был облечен в сотканную Самим Богом порфиру самовластия (см.: вторник седмицы ваий, вечер, на стиховне самогласен), так что он свободно мог избирать благое или злое, утвердиться в добре или же идти по пути греха. "Бе же убо мощно Богу и безгрешна сего сотворити" (Неделя сырная, синаксарий). Но тогда какое достоинство человека было бы в том, что он шел бы или, вернее, был бы влеком с необходимостью по пути добродетели? Нет, Господь желал, чтобы совершенство человека зависело от его собственного изволения. Поэтому первый человек "посреде тли и нетления создан бысть, да еже избрет

произволением, оно и притяжет" (Неделя сырная, синаксарий). И дальнейшее поведение человека показало, что он обладал свободною волею в полной мере.

Наибольшим же благом из всех, которыми наделил человека Творец, было пребывание с Богом и непосредственное лицезрение Его. Для испытания человека, для того, чтобы он не забывал, что и над ним есть Владыка, ему дана была заповедь, преслушание которой должно было повлечь тяжелые последствия. Но человек, Божественное повеление преслушав советом врага... едину заповедь преступил Владычню (Неделя сырная, стихира на *Господи, воззвах* и на стиховне *Слава*), в этом показал свое непослушание верховной воле Творца и Владыки, свое злое самовластие, свою непокорность. И это преслушание воли Божией повлекло за собой то тяжелое наказание, которое было предугазано Творцом при самом даровании заповеди. Тотчас по нарушении заповеди лишился человек прежнего блаженства, обнажился Божией славой (ср.: Неделя сырная, ексапостиларий). Прежде наслаждавшийся непосредственным лицезрением Божиим, лицом к лицу беседовавший с Богом, теперь отвержен от лица Его как преслушник Его воли. Это отпадение от Всеблагото повлекло за собой все те тяжелые страдания, наследником которых человек теперь стал. Прежде наслаждавшийся всеми благами рая, теперь изгнан... от райския сладости... и осудился делати землю, от нея же взят бысть сам, потом же многим ясти хлеб свой (Неделя сырная, седален). Иногда царь сый земных всех созданий Божиих, ныне пленник явихся от единого беззаконнаго совета; и иногда славою бессмертия облечен сый, умерщвления кожу яко смертный окаянно обношу (Неделя сырная, стихира на хва-литех). Едемское невоздержание Адама принесло смерть не ему только одному, а всем человекам. Изгнанный из рая сладости человек, по словам преподобного аввы Дорофея, "отпал от естественного состояния и впал в противоестественное, и пребывал уже в грехе, в славолубии, в любви к наслаждениям века сего и в прочих страстях и был обладаем ими, ибо сам сделался рабом их чрез преступление" [19]. И чем дальше шло время, тем все больше укреплялись люди во зле, тем все больше и больше грех пропитывал всю природу их. Человек, созданный для богообщения, закосневал в грехах своих, все дальше и дальше удалялся от Бога и предавался во власть того совета, коего послушался некогда в лице праотца. Завлеченный в тяжелый плен греха и страстей, ставший данником врага, наследником смерти и тления, несчастный человек своими силами не мог бы освободиться от этого плена и выйти на прежнюю свободу. Нужна была высшая Божественная помощь. И Всеблагий Творец, актом любви Которого было самое создание человека, не мог оставить Свое

творение во власти тления и смерти, не хотел Своему созданию погибели, но восхотел сему спастися и в познание истины прийти (Неделя сырная, *Слава* на стиховне).

Превечным советом, по плану Божественного домостроительства, было предопределено спасти павшего из рабства диаволу, снова извести его на свободу славы чад Божиих. Для этой цели было предопределено снисхождение на землю Сына Божия, принятие Им плоти человеческой, Его обитание с людьми, затем страдания, крестная смерть и Воскресение. Человеку нужно было освятиться человечеством Бога, чтобы получить благодатную силу преодолевать грехи, укрепляться в жизни по Богу. Равным образом и для освобождения из рабства диаволу необходимо было, чтобы кто-либо более сильный связал забравшего к себе в плен Божиих творений. И по исполнении времен исшел во спасение людей Своих и родился от Девы Еммануил Господь (ср.: четверг 1-й седмицы, 4-я песнь иного канона, Богородичен), боголепно восприяв нищету, облекшись в тленную плоть человеческую. Он этого человека, удалившегося некогда от Бога, Своим Богочеловечеством к Себе присволяет и освящает его. Мене ради по мне быв (среда 5-й седмицы, стихира 70 (О-широкое - А.), на *Господи, воззвах*), сделавшись Человеком ради человека, Он изволил умереть ради спасения Своих созданий. Он предался волею, привел Себя убийцам, судилищу предстал, распят был и поруган, прободен был, пострадал плотию - и все это Господь милостивно потерпел ради освобождения Адама и Евы, ради спасения их грешных сынов. Послушный воле Отца, Он вкушением оцета разрешил древнее вкушение (ср.: Великая Суббота, непорочны, ст. 163), бывшее свидетельством непослушания, непокорности воле Божией нашего праотца. Пришедший послужить обнищавшему Адаму, коего образом добровольно облекся богатый Божеством Создатель, Он, бесстрастный по Своей Божеской природе, Сам восхотел положить Свою душу (за Адама). И Голгофская жертва Христа Спасителя послужила на обновление земного, на воссоздание человеческого состава (ср.: четверг 3-й седмицы, стихира на *Господи, воззвах*). Смерть на Кресте Богочеловека Христа была победой над супостатом, разрушила его царство, отомстила падение древнего Адама и воскресила последнего. Своими страданиями и Воскресением Христос Спаситель связал ад и умертвил смерть, а всему миру даровал воскресение. Теперь обновляется естество человеческое, как бы заново творятся Отцем земнородные в лице Богочеловека Христа, тленное прелагается, изменяется в нетленное, и человек снова возводится в прежнее достоинство чад Божиих, снова получает бессмертие и утраченный

было образ Божий. Теперь отнеже крестное таинство содеяся, и демонское угасе мучительство богоразумием, небесная на земли добродетель жительствует (пяток сырный, утро, на стиховне самогласен). И источником жизни теперь является не древо, сущее посреде рая, а Древо, водруженное на Лобном, и, как красный плод его, Сам повешенный на нем смерти низложитель Христос.

Единственно по Своему милосердию смиривший Себя и приблизившийся к Своим падшим сынам ради освобождения рода человеческого, ради спасения Адама на землю шел и на земле не обрет сего, даже до ада снизшел ищяй (ср.: Великая Суббота, непорочны, ст. 25). Своим упокоением во Гроб Христос Спаситель привлекает к Себе всех, а восстанием из Гроба воздвигается человеческий род из глубины падения. Теперь люди являются уже сынами благодати. Растерзав оружием Креста греховное рукописание, Христос уяснил человека бесстрашием и соделал его соседателем Отцу (ср.: вторник 5-й седмицы, вечер, стихира на стиховне), то есть возвратил ему утраченное было благо - быть в непосредственном общении с Богом. Но как в раю человеку была дарована свобода, дабы от его собственного изволения зависело его совершенство, так и теперь людям оставлено то же великое благо свободы. Господь и ко спасению не влечет насильно, ибо насильно дарованное, навязанное благо не будет уже благом. Возьмите простеца крестьянина, против его желания неожиданно поставленного в условия жизни представителей высшего общества, введенного в великосветское собрание. Это новое положение не только не будет отрадным для него, а, наоборот, будет большой тяжестью. Он будет чувствовать себя неловко и беспокойно, одно желание будет у него - поскорее уйти из этой непривычной и тяжелой обстановки. Так и небесные блага, будучи навязаны против желания человеку, не думавшему о них и не приготовленному к ним, будут только большой тяжестью и мукой. Потому-то и говорят святые отцы, что Господу легко было сотворить человека без него, но невозможно без него самого спасти его. Великие блага, возвращенные нам Крестом и Воскресением Сына Божия, усвоятся нами лишь в том случае, когда мы сами желаем их получить, если мы, свободно творя волю Божию, алчем и жаждем этих благ, к ним стремимся, идя по пути, указанному Христом, сами себя очищаем от всякой скверны, сами себя уготовляем к исходу, всецельно в руки Божии предаем душу и тело свое. Усвоенные банею крещения (ср.: вторник 3-й седмицы, 2-я песнь канона) Христу, мы должны свободно, как бы браком,

сочетаться с Божественным повелением, с законом Божиим, как в браке, давши обет верности заветам Христа Спасителя даже до гроба.

Но увы! Грех проник всю природу человеческую, помышление сердца человеческого - *зло от юности его* (Быт.8:21). Богатотворными дарованиями украсившись от крещения, паче нищету злых возлюбих, и чужды бх добродетелей окаянный аз (среда 5-й седмицы, утро, 8-я песнь канона). А зная слабости нашей природы, не дремлет и враг человека. Как древле в раю, изощряется он всеми силами, чтобы снова сделать своими данниками, снова взять к себе в плен тех, кого освободил Христос Спаситель. Зная, что только по свободному произволению людей усвоятся ими блага, приобретенные Кровию Богочеловека, древний обольститель старается и теперь прельстить человека тленными и мимотекущими благами чувственными, старается направить его свободу в противоположную сторону от нетленных благ небесных. В тайне лова по вся дни вселукавый, ищет мя пояти и снедь сотворити (вторник 5-й седмицы, 8-я песнь канона). Он направляет свое вражеское оружие, дабы уязвить человека, впустить в него яд греха и тления. Он на пути к добродетели строит всякие препятствия, дабы человек, запнувшись о прилоги змеиные, разбившись демонскою лютостью, не избежал его сетей, не вышел на свободу чад Божиих. Коварный враг знает, что человек не прельстится очевидным злом. Поэтому он всегда прикрывает его чем-либо хорошим, смешивая зло с добром. "Не имел бы и силы порок, - говорит святой Григорий Нисский, - не прикрашенный ничем хорошим, привлекающим обольщаемого к пожеланию. А ныне смешана несколько природа зла, внутри имеет пагубу, как скрытый некий обман, а по наружности показывает обольстительное некое представление добра... Подлинно доброе по природе своей просто и однолично, чуждо всякой двойственности и сочетания с противоположным, а злое разнообразно и прикровенно, иным чем-то признается и иным оказывается на опыте; и ведение его, то есть дознание на опыте, делается началом и причиною смерти и тления" [20]. Злоба льстивого запинателя ослепляет очи души человека; он весь омрачается прелестями борца (четверг 1-й седмицы, стихира на *Господи, воззвах*).

И стремится вселукавый враг обнажить падшего, ослепленного человека, отнять у него все его богатства, или, вернее, его самого побуждает бросить Богом дарованные блага, забыть, пренебречь указанными Христом средствами приближаться к Небу, к Богу. И ослепленный человек сам идет навстречу врагу. Рожденный в грехах, он к язвам первородного греха прибавляет язвы своих собственных падений. Подобно тому, как и древле в раю, человек

противится Божией воле, не желает подчиняться ей. Рассудив своим непостоянным умом, что он может обойтись без опеки Творца своего, гордый человек выплевывает Его отеческие удила, направлявшие его только ко благу и удерживавшие от зла. Получивши через крещение право обитать в стране безгрешия и жизни, он в этой благодатной стране сеет грязь, серпом жнет колосья лености, и связавши в снопы плоды дел своих, расстилает их не на гумне покаяния. Как исступленный не хочет помнить, что он имеет достоинства сына Благого Отца, но сам себя лишает славы, богатство же иждив благодати (среда 3-й седмицы, утро, самогласен на стиховне), расточая его своими грехолюбивыми произволениями, обнажившись по своему безумию от всего, что дал ему Отец, он оставляет высоту добродетели, к которой зовет его и направляет Христос, и снисходит в глубины греховные по своей собственной воле, не желая разуместь стези спасительные Христовы (ср.: вторник 4-й седмицы, 9-я песнь канона). Как дикий конь, вырвавшийся на свободу, предавшись вольным стремлениям сластей, человек оставляет спасительные пути и направляется по гибельным дорогам, ведущим прямо в ад, куда и устремляется он, тьму глубокую имея окрест сласти, и страстей поползновения, и бурю искушений (среда 5-й седмицы, 9-я песнь канона).

Покинув отчий дом, сам удалившийся от Отца, он, как блудный сын, отходит в страну злобы и там в удалении от Бога, лишенный Божественной пищи, он становится ласкателем (тунеядцем, приживальщиком) у скверного гражданина, который и посылает его, ведущего распутный образ жизни, на свое душетленное село, где он пасется вместе со скотами, работая сластям (ср.: среда 3-й седмицы, утро, стихира на стиховне). Поработивши достоинство свое страстям, человек подлинно становится скотом, живет в скотских помышлениях греха, скотское любит житие. Душа его обрастает греховными помышлениями ума и оледеневаает разнообразием страстей, так что становится нечувствительною к призывам Божией благодати, не замечая по причине греха Божиих чудес (ср.: вторник 5-й седмицы, 8-я песнь канона). Его уши оглохли к слышанию голоса Божия. Связанный, как бы оковами, безмерною злобою, богатый страстями и сластями, как богач, он, подобно нищете Лазаря, беден добродетелями. Его ум уранен, тело расслаблено, дух болезнует, очи отягощены от беззаконий, и он не может воззреть и видеть высоту небесную. Прельщенный прелестью горького греха, немощный и расслабленный им, принявший в душу смертоносную язву, сокрушенный и оскверненный многими грехами, помраченный смрадом их, он спит на одре сластей тяжелым болезненным сном, часто даже не подавая признаков жизни, как бы

полумертвый. Он и не замечает, какая жестокая буря обуревает его окаянную душу, страстей треволнения готовы потопить ее, грех влечет ее во всеконечную пагубу, и она готова совсем погрузиться в глубокую пучину сластей, а через то, конечно, последует и ее удаление от Бога. Так человек, по своему свободному изволению удаляясь как бы из Иерусалима от Божественных заповедей и достигши страстей Иерихонских, привлеченный сюда бесчестною славою житейских попечений, подпадает, как разбойникам, - помыслам [21], и они совлекают с него одежду благодатного сыноположения. И остается он, покрытый язвами и как бы бездыханный, лежать на житейском пути. Но как бы ни был грешен человек, сколь велики и многочисленны ни были бы греховные раны его, он все же остается образом неизреченной Божией славы. Его богоподобная душа по самому существу своему стремится к Богу.

Созданная для наслаждения неземною красотой небесной, но удалившаяся от этой единственной и абсолютной красоты, душа тоскует по ней и, не имея возможности наслаждаться ею, старается заменить ее хотя бы красотой земной. Отсюда стремление человека к изящному, его увлечение прекрасным, его преклонение пред искусством. Но вся эта условная красота, если не соединяется с мыслью о красоте абсолютной, не только не дает удовлетворения тоскующей душе человека, а, наоборот, приносит ему лишь еще большее разочарование, еще больше усиливает его тоску, ибо земная, по большей части греховная, страстная красота не может утолить духовный голод человека, и пища скотов не может насытить его богоподобной души. Как бы глубок не был греховный сон человека, его душа все же не может совсем позабыть о своем божественном происхождении, об утраченных благах. Да, это так, что после падения "человека, каким создал его Бог, не стало более в мире" [22]. Но, с другой стороны, "несправедливо иные, введенные в обман лжеучением, утверждают, что человек решительно умер и вовсе не может делать ничего доброго" [23]. Сколь сильная буря страстей ни обуревала бы его, как велики ни были бы его падения, каким тяжелым камнем он ни был бы отягчен, в глубине души его все же теплится божественная искра. Хотя он и сыновства погреших, блудно пожив и забвением Божиих даров иждив богатство (вторник 3-й седмицы, вечер, на стиховне), но все же он причастен образу Божия. Внутренний законодатель - совесть, сколь сильно ни заражена она греховными язвами, все же время от времени - то в виде непонятной тоски и неудовлетворенности благами мира, то в виде укоров за недобрые, греховные поступки - обличает его, старается пробудить от греховного сна, напомнить ему о его высоком назначении как сына Божия, как купленного дорогою ценой

- изливанием Крови Христовой. И переживает человек страшную душевную раздвоенность. Земные блага не дают ему полного удовлетворения. Внутренний голос совести, попечительные увещания матери Церкви побуждают его стремиться к благам духовным и просить о защите Крестом его - страстьми преклонена, враги запинаема, обычаем лукавым влекома (понедельник 4-й седмицы, 8-я песнь канона). Но с другой стороны, его греховная природа, козни врага и собственная злая воля задерживают его в плену греха. И лежит он поверженный, покрытый смердящими струпами и недоумеает (ср.: среда 5-й седмицы, утро, стихира на стиховне). Буря грехов, окружающая его, смущает его сердце. Он хотя продолжает пребывать в злом обычае, но боится и трепещет, зная, что смертью не прекратится его бытие. Он люто недоумеает и скорбит, желая выбраться из пучины грехов, желая оставить сытость страстей и напитать свой ум, алчущий всякого блага, и в то же время не переставая грешить и нарушать Божественные повеления.

Где же выход из того положения, в котором находится теперь человек, созданный по образу Божию, искупленный Кровию Христовой, предназначенный для жизни святой и праведной, для наслаждения небесной красотой и богообщением и в то же время не перестающий грешить и падать, удаляясь от Бога и удаляя Его от себя своими грехами?

Глава вторая

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему, храм носяй телесный весь осквернен: но яко Щедр, очисти благоутробною Твоею милостию. Неделя мытаря и фарисея, на утрени

Тяжело, плачевно и гибельно положение грешника. И если не хочет он вечной гибели, то должен поскорее пробудиться от греховного сна, поскорее оставить состояние беспечности и нерадения. Но одними своими силами греховный человек этого сделать не может. Нужна высшая, Божественная помощь, ибо мы сами от себя, без Божией благодати даже и помыслить не можем что-то доброе (см.: 2Кор.3:5). Как для пробуждения от естественного сна в непривычный час нужен будильник, подобным же образом и в жизни духовной. Милосердый Отец, желающий всем спастись и в познание истины прийти (среда 5-й седмицы, стихира 9 (Фита - А.) на *Господи, воззвах*), употребляет многочисленные разнообразные средства для пробуждения спящего во грехах. "Нет вещи в мире и происшествия в жизни, кои в руках Промысла Божия не могли бы служить средствами к пробуждению грешника" [24].

Любовь Божественная постоянно зовет его восстать от сна. Призывный голос Божий раздается и в явлениях видимой природы, и в происшествиях жизни общественной и его личной, и внутри самого человека, в совести его, которую один святой отец называет "соперником, потому что сопротивляется всегда злой нашей воле и напоминает нам, что мы должны делать, но не делаем" [25], и в нарочитых благодатных воздействиях и явлениях, и особенно через Церковь Свою Святую. Но, как уже было замечено, Господь не хочет насильно навязывать наделенному свободой человеку Своих благодеяний. "Приходящая к человеку благодать, - говорит преподобный Макарий Египетский, - нимало не связывает его воли принуждающею силою и не делает его неизменным в добре, хотя бы он хотел или не хотел того. Напротив того, и присущая в человеке Божия сила дает место свободе, чтобы обнаружилась воля человека, уважает ли или не уважает он душу" [26]. И если человек подлинно уважает свою душу, он сам должен откликнуться на зов Божией благодати, сам должен пойти навстречу ему или, по крайней мере, не затыкать ушей своих от слышания Божественного голоса; необходимо, чтобы человек сам откликнулся на призыв Божией благодати, сам употребил хоть некоторое усилие к пробуждению от греховного сна.

Таким первым шагом со стороны человека должно быть, с одной стороны, осознание ненормальности и опасности своего теперешнего положения, с другой - понимание того, что причина этой ненормальности и опасности заключается в нем самом, - осознание своей греховности и окаянства.

Придя в себя, размыслив о своем высоком назначении как сына Благого Отца, человек не может не прийти к тому печальному выводу, что слез и плача достойно его настоящее положение. В чести сый сыновства, Отца Благого несмысленный аз не разумех: но себе славы лиших, богатство зле иждив благодати (среда 3-й седмицы, утро, на стиховне самогласен) и вот теперь в стране удаления остался одинок среди лукавых граждан и уподобляется бессловесным несмысленным скотам. Питается он скверною злобою вместо предназначенной ему ангельской снеди, осквернена его одежда нетленная, он сам весь смердит гнойми злобы (четверг ваий, 1-й канон, песнь 9-я). Постоянно в ночи, в греховной ночи проводит он жизнь свою, так как несдержанное распутство есть подлинно ночь и привязанность ко греху есть мрак беспросветный. И во всем этом виноват только он один. Постоянно отвергая животворные Божии слова, не слушаясь Божиих заповедей, не исполняя Божией воли, он сам убил свою совесть и оживил плоть, себя самого сделал как бы истуканом ("самоистукан бых" - Великий канон, песнь 4-я), свои плотские страстные влечения поставив выше всего и их только удовлетворяя, свою греховную волю сделал единственным законом для себя. Он всегда заботился только об одном внешнем благоукрашении, презревая внутреннюю богообразную скинию и тем самым пренебрегая дарованное ему царское благородие, погубил доброту первого образа (ср.: Великий канон, песнь 2-я, четверток 5-й седмицы).

Согреших - вот к какому сознанию должен прийти человек, осознавший свою виновность, а вместе и греховность. Согреших, исповедаюся Тебе, Господи, блудный аз, не смею на Небо воззрети очима, оттуду бо отпад, бых окаянен; согреших на Небо и пред Тобою и несмы достоин нарещися сын Твой; самого себе отрицаю, не требую оглагольников, ниже паки свидетелей: имам обличающий мя блуд, имам обличающее злое житие, имам посрамляющую одержашую мою наготу, к срамоте же рубы, имиже одеян есмь (вторник 3-й седмицы, утро, на стиховне самогласен). Размышляя о множестве своих согрешений и уязвляясь жалом совести, которая как бы огнем жжет его, он в недоумении и скорби о своих грехах взывает: Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию?

(Великий канон, песнь 1-я). Он ужасается и боится, размышляя о жизни своей, полной зла и падений. Как Ты утрящу? Как явлюся Тебе страшне? Как же предстану неумытному Твоему судищу? (вторник 2-й седмицы, 2-й канон, песнь 2-я). К тому ли был призван? То ли делал, что должен был делать, как почтенный пред всеми другими тварями разумом, способностью рассуждать и взвешивать свои поступки? В деле обращения грешника громадное значение имеет мысль о будущей жизни, страх грядущего наказания и вечных мук. Грешник знает, что смерть не прекратит его бытия. И если его злые дела даже здесь, на земле, не всегда приносят удовлетворение, а чаще причиняют только муки разочарования и неудовлетворенности, то в будущей жизни, где уже никакой цены не будет иметь то, что на земле иногда дает еще некоторое удовлетворение, хотя, быть может, и ложное, - что будет он чувствовать там, в брачном чертоге Жениха Христа, не имея одеяния брачного? (ср.: Великий Вторник, стихира на хвалитех). Что скажет Владыка, когда истяжет у него слово, когда потребует отчета о данном таланте? Помышляя страшное испытание Христово, приемля в уме пламень неугасимый, человек приходит в ужас и трепет. Он плачет и рыдает, егда в чувство приемлет огонь вечный, тьму кромешную и тартар, лютый червь, скрежет же паки зубный и непрестанный, болезнь имущу быти без меры согрешившим и Тебе Преплагаго нравом лукавым прогневавшим, от нихже един и первый есть сам он (Неделя мясопустная, стихира на *Господи, воззвах*). Конечно, этот страх наказания и муки не достоин высокого звания человека как сына Божия. Но и он необходим, и он имеет свое значение, приносит свою пользу. "Он охраняет душу от всякого зла, как полировка медь... Если кто уклоняется от зла по страху наказания, как раб, боящийся господина, то он постепенно приходит и к тому, чтобы делать благое добровольно, и мало-помалу начинает надеяться на некоторое воздаяние за свое благое делание. Ибо, когда он постоянно будет избегать зла из страха, подобно рабу, и делать благое в надежде награды, подобно наемнику, то, пребывая по благодати Божией во благом и соразмерно сему соединясь с Богом, он получает вкус благого и начинает понимать, в чем истинное добро, и уже не хочет разлучаться с ним. Ибо кто может разлучить такового от любви Христовой, как сказал апостол (см.: Рим.8:35). Тогда достигает он в достоинство сына и любит добро ради самого добра и боится, потому что любит" [27]. И будущего исхода он ждет как такого момента, когда он еще теснее соединится с Богом.

Но вначале человек боится только самих мук. Этот страх побуждает его прежде всего начать готовиться к будущей жизни, потому что ко оному житию

надо устроить себя прежде исхода души из тела (ср.: Неделя ваий, на повечерии, 8-я песнь канона). Жизнь загробная будет продолжением жизни земной. Какое направление жизнедеятельности дано на земле, такое и останется в загробной жизни, потому что там невозможно проявление свободы. Как шар, пущенный в безвоздушное пространство, не может изменить раз принятого направления, так и жизнь души в потустороннем мире. Поэтому-то и необходимо грешнику, сознающему свою греховность и окаянство, здесь же, на земле, подготовиться к будущей жизни, положить хотя бы начало исправления. При этом нужно спешить, нужно предварить, прежде даже жития торжество конца не примет, прежде даже двери чертога не затворит Господь (Неделя мясопустная, 3-я песнь канона).

Но сам, своими только силами человек не в состоянии прекратить свой тяжелый сон. Как во время кошмарных сновидений человек испытывает крайне тяжелое, мучительное состояние, а проснуться не может, так и грешник, сознающий тяжесть и гибельность своего положения, все же своими только силами не может выйти из него. И как в первый раз мог спасти человека только Сам Господь, так и теперь, чтобы освободиться от мучительной внутренней раздвоенности, чтобы выйти из тяжелого, крайне опасного положения, чтобы найти удовлетворение своему мятущемуся духу, - нужно идти к Нему же, Милосердому Творцу и Владыке, к нашему Любвеобильному Отцу, Который алчет обращения удаленных, жаждет нашего спасения, Который сорадуется покаянию созданий Своих и Сам устремляется, чтобы дать прощение ищущим Его усердно. К Нему и должна обращаться грешная душа, не терпящая сожительства лукавых граждан, к Нему, единому Владыке нашему, должна идти, ибо разве Его иного не вемы, у Него искать милости и помощи, ибо кроме Него нет иного Милосердного Отца (ср.: понедельник 5-й седмицы, тропарь пророчества). Кроме Человеколюбца Бога, никто не в силах восставить падших, обратить на путь истины отвратившихся от Него. Он един наш Покров, Хранитель, Заступление и Помощь, к Нему скорее должна обратиться грешная душа, у Него искать исцеления от тяжелых недугов душевных, уврачевания от ран, которыми сплошь покрыл его грех, подобно тому, как был изранен разбойниками путник, шедший из Иерусалима в Иерихон. У Него нужно просить, чтобы Он богатого страстями и сластями и бедного добродетелями сделал совершенно иным, чтобы Он покрыл греховную наготу, спас от волн греховных и умерщвленного страстями оживил, как Своего друга Лазаря. Грешная душа должна прежде всего взывать ко Господу, чтобы Он, видя ее обращение, не отринул ее, саму удалившуюся от

Бога и божественными делами обнищавшую, чтобы Сам вышел на взыскание овчате, заблудшаго на горах лютых преступлений (Неделя 2-й седмицы, вечер, подобен) и позвал к Себе, Сам обратил заблудших, собрал, как Пастырь, расточенных, помиловал стадо Свое, потому что если и грешили мы, но все же не отступили от Него совсем, но к Нему только и прибегаем, от Него только ожидая помощи и милости. И Милосердый Отец с любовью принимает грешника, к Нему обратившегося, как некогда принял блудного сына. Мало делающие принимают от Него душевную милость, обращаясь к Нему Он дарует благодатное средство для очищения от пороков, для исправления жизни, для освобождения от зла и греха, для укрепления в добре, чтобы здесь, на земле, положил он начало шествию по тому прямому пути, который приводит человека к конечной цели его бытия, - совершенству по подобию совершенства Отца Небесного, к живому и непосредственному богообщению. Средство это - покаяние.

Поистине дивны пути Божественного промысления о роде человеческом! Велика любовь Божия ко грешному человечеству! Неисчислимы милости, неизглаголанно Владычнее снисхождение к немощам людским! Зная, что люди, искупленные страданиями Единого от Пребожественных Троицы, возрожденные в купели крещения, все же будут грешить, как облеченные немощью плоти, Господь даровал им новое средство для возрождения и спасения. "Как благодать на благодать, - говорит преподобный Исаак Сирий, - людям по крещении дано покаяние; потому что покаяние есть второе возрождение от Бога. И то дарование, которого залог прияли мы от веры, приемлем покаянием. Покаяние есть дверь милости, отверстая усильно ищущим его; сею дверью входим в Божию милость; кроме этого входа не обретаем милости; вси бо, по слову Божественного Писания, *согрешиша... оправдаеми туне благодатию Его* (Рим.3:23-24)" [28]. Не хотящий смерти грешников, но желающий всем спастися, Многомилостивый Спаситель даровал человекам во спасение покаяние, как бы некий мед, услаждающий горечь страсти. Все мы много согрешаем, поэтому Человеколюбец Господь нам, грешным, положил покаяние, нас, недостойных, спасти хотя безмерною Своею милостию. "Покаяние, - по словам преподобного Марка Подвижника, - прилично всегда и всем хотящим спастися... В отношении деятельной жизни, мы без покаяния не можем сделать ничего достойного" [29]. Поэтому покаянное чувство должно характеризовать все настроение христианина.

Если и тогда, когда исполнено все повеленное, он, по слову Христову, должен считать себя только рабом неключимым, то тем паче, постоянно падая

и согрешая, он не должен успокаиваться, если у него есть хоть немного или даже много добрых дел, тем более что чаще всего эти добрые дела имеют только добрую видимость, в существе же лишь увеличивают его греховность, его преступность. Да, наконец, человек не может исполнить всего заповеданного Христом и Его Церковью, ибо преслушание Церкви есть преслушание Самому Христу, не может исполнить всего этого по немощи своей, по слабости своего организма. И не сохраняя по немощи своей всего заповеданного, не соблюдая, например, по болезни поста в положенное время, христианин не должен утверждать, что он имеет право так поступать. Наши немощи не могут служить достаточным оправданием нарушения предписаний Церкви, так как расслабление нашей природы является следствием наших грехов. Поэтому нарушающий пост, хотя бы и по болезни, должен сокрушаться и каяться, что, расстроив свой организм грехами, не может точно исполнять заповеданное Церковью. Или другой пример. Наши всеобщие должны бы совершаться в течение всей ночи так, чтобы не приходилось около времени вечернего захода солнца возглашать: "Слава Тебе, Показавшему нам свет!" и с вечера возносить утреннюю молитву. Понятно, что это совершенно невозможно, особенно в церквях приходских - едва ли у многих хватило бы силы выстаивать целые ночи на молитве. И снисходя к немощи нашей природы, Святая Церковь многое в области богослужения предоставляет нашему усердию. Не будучи в силах выстаивать долгие службы и присутствуя за значительно сокращенными, мы отнюдь не должны успокаивать себя тем, что совершили должное, исполнили повеленное. Повелено гораздо больше, поэтому и должны мы каяться и сокрушаться, что, расстроив страстями природу свою, мы лишили себя возможности исполнять повеленное. Вознося с вечера утреннюю молитву, мы должны вместе с тем возбуждать в себе покаянное чувство сознанием того, что только по немощи нашей, дабы дать успокоение нашему слабому и многоболезному телу, совершается с вечера то, что должны были бы мы делать ранним утром. И так должны мы поступать всегда и во всем, каясь и сокрушаясь о том, что постоянно нарушаем Божественные заповеди и сами себя поставили в такое положение, что не в силах даже не нарушать их.

Как нарушители воли Божественной, как грешники безответные, мы весьма нуждаемся в покаянии. Поэтому усиленно зовет Святая Церковь своих чад к покаянию, усердно просит у Христа Жизнодавца открыть для них двери покаяния, дать им время на покаяние.

Поистине велие покаяние! От него зависит наше духовное совершенство, наше спасение. Наглядный пример тому - блудная жена, которую ради ее покаяния спас Ожидающий покаяния согрешающих. Только через покаяние первее блудница жена, внезапно целомудренна явися (Великая Среда, утро, икос). Другой подобный же пример указывает Спаситель в Божественном Писании о блудном сыне, доброму покаянию которого должны подражать христиане, в смирении сердца взывая: Согрешихом Ти, Отче щедрый, и никогдаже достойни есмы нарещися чада, якоже прежде (Неделя блудного сына, икос).

Велие покаяние! Оно - сильнейшее оружие против стрел врага в нашей брани с исконным человекоубийцей дьяволом. Исполненный гордыни и превозношения, он на этот же губительный путь влечет и человека, внушая ему горделивые чувства превозношения и самооправдания, ибо опытно познал, что этот путь скорее всякого другого удаляет от Бога. Наоборот, покаяние приближает к Богу, и потому его не терпит противник Божий, ибо его искусительные стрелы, как о крепкий щит, разбиваются о покаяние, не нанося никакого вреда укrywшемуся за ним, побуждая его не предаваться беспечности, не выходить из-за надежного прикрытия.

Велие покаяние! Оно - тихая пристань для погружаемых треволением греха, ибо, по словам преподобного Исаака Сирина, "смрадное море между нами и мысленным раем можем перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха" [30]. Оно просвещает свечу души, очищая ее от грехов и страстей, как от нагара, уменьшающего свет; оно примиряет со Христом и дарует вечную жизнь показывающему его плоды.

Велие покаяние! Оно - незаменимое приобретение для людей. Нет хуже и опаснее состояния нераскаянности. Человек грешен, весь покрыт язвами греха, как проказой, а все же не хочет сознать своей греховности, все говорит, что не хуже других, а в тайне сердца думает, что даже лучше других. Бывает, что тяжело больной, дни жизни которого уже сочтены, храбрится и говорит, что вполне хорошо чувствует себя и уже не нуждается во враче и лекарствах. Подобным же образом и грешник отвергает назначаемое ему благодатное лекарство, не спешит прийти во врачебницу покаяния. А между тем стоит только прийти в эту чудную лечебницу, конечно, с крепкою верою в Господа Христа, с твердою надеждою на высшую помощь, как любвеобильный и сострадательный Врач очистит язвы сердца, покаяния... прилагая лечбы (четверг 3-й седмицы, 9-я песнь канона), заботливо перевязет раны, как

некогда милосердный самарянин впавшему в разбойники, Сам уврачует болезни страдальца, омоет его, очистит, покажет паче солнца чистейша.

Болезни грешника - это страсти, которые мучают и терзают его, привлекают внешнею приятностью и вознаграждают горечью разочарования, страданий и расслабления, которые побуждают его совершать дурные поступки, творить злые дела, прикрывая их какою-либо земной греховной прелестью, а в вознаграждение приносят укоры совести и муку неудовлетворенности. Покаяние же, как огонь или печь, поपालает страсти, обессиливает их, уничтожает. Покаяние очищает от греха, уничтожает даже самую закваску его, каковою является гордость, эта первая из всех страстей. Как закваска воздействует на всю массу, находящуюся в сосуде, приводя ее в брожение и изменяя, так и гордость изменяет всего человека. "Нет никакой другой страсти, - говорит преподобный Иоанн Кассиан, - которая бы так истребляла все добродетели и так обнажала и лишала человека всякой праведности и святости, как эта злая гордость: она, как всеобъемлющая некая зараза, не довольствуется расслаблением одного какого члена или одной части, но все тело повреждает смертельным расстройством, а стоящих уже на высоте добродетелей покушается низвергнуть крайне тяжким падением и сгубить" [31]. Покаяние же уничтожает эту закваску всякого греха и порока. Решительным противоядием гордости является смирение, а покаяние есть акт смирения. Последнее неотделимо от первого, равно как первое немислимо без последнего. Вообще все наши добрые дела теряют всякое значение, если не соединяются со смирением. Но больше всего смирение раскрывается в покаянии, которое, конечно, должно состоять не в одном только проявлении на словах виновности, а в том, что кающийся искренно сознает свою греховность, в глубине сердца скорбит о своей беспомощности. Как земля не может принести плодов без семени, так и человек не может покаяться без смирения [32]. В самом деле, разве будет каяться тот, кто в горделивом самомнении не сознает своей греховности, не считает себя имеющим нужду в покаянии? Разве будет прибегать ко Господу с просьбой о помощи тот, кто по причине отсутствия смирения не познал своей греховности, кто приписывает свои добрые дела, которые по большей части имеют только видимость добрых дел, своим только силам? Наоборот, смиренно сознающий свои грехи и немощи знает, что никакой добродетели нельзя совершить без Божией помощи, вне Его покрова. Поэтому он со смирением постоянно к Нему прибегает.

Смирение и покаяние неотделимы друг от друга. Смирение предшествует покаянию, ибо только воспитавший в себе чувство смирения, только познавший свое ничтожество и греховность, осознавший, что если и есть у него что доброго, то это совершено с Божией помощью, а лично ему если что и принадлежит, то одно дурное, злое, - только такой человек может воспитать и поддерживать в себе покаянное настроение. Но предшествуя покаянию, смирение вместе с тем с необходимостью сопровождает его. Кающийся в своих грехах, сознающий свое ничтожество и беспомощность в отношении исправления и хождения по пути добра не может быть несмиренным. "Воспоминание о согрешении, - по словам преподобного Исихия, - споспешествует к смиренномудрию".

Первая ступень смирения - проявление его по отношению к людям, к собратиям во Христе. Исчисляя только свои грехи, христианин не обращает внимания на прегрешения собратий, не должно, тем более мня себя праведна быти, осуждать других, когда сам весь в язвах греха, сам постоянно падает и согрешает. Не бысть в житии греха, ни деяния, ни злобы, еяже аз, Спасе, не согреших умом и словом, и произволением, и предложением, и мыслию, и деянием согрешив, яко ин никтоже когда (Великий канон, песнь 4-я). Как может врач, хотя бы и хорошо знающий врачебную науку, лечить больного, когда сам лежит на одре болезни, сам покрыт заразными струнами? Не обращается ли к нему Божественное слово: *врачу, исцелися сам* (Лк.4:23)? Грешнику ли указывать на грехи других? Таким указанием он только увеличивает свою греховность, прибавляя к прежним грехам еще новый - осуждение, которое Христос, по толкованию одного богомудрого аввы, уподобил бревну, тогда как грех ближнего, вызвавший осуждение, - только сучку [33].

Не замечая грехов других людей, постоянно сокрушаясь о своих падениях, судя прежде иных свои дела, сравнивая свою жизнь с Божественным законом и с жизнью святых людей, кающийся христианин естественно приходит к тому искреннему убеждению, что он волею согрешил паче всех, что нет того, кого бы он не превзошел прегрешениями. И это не одни только слова в его устах. Испытывая свои дела, он действительно должен увидеть себя как всякого человека, превозшедша грехами. О себе он знает, яко разумом мудрствуяй согреших, не неведением (Великий канон, песнь 5-я). Этого он не может сказать о других, ибо ему неизвестно внутреннее настроение их. Кто знает, может быть, те грехи братии, которые он видит, совершены именно по

неведению и как таковые подлежат меньшему вменению, чем его, совершенные сознательно.

Сознавая себя грешником, христианин уже не может гордиться пред другими людьми, а только смиряться и унижаться, тем более, что к смирению призывает Своих последователей Христос. В Своем Божественном учении преподав ученикам наставления о смирении, притчею поучив не высокоумствовати паче, еже подобает мудрствовати (Неделя 3-й седмицы, стихира на хвалитех), Христос Спаситель Сам подает пример смирения. Смирившись даже до рабья образа (ср.: Неделя мытаря и фарисея, канон, песнь 4-я), до распятия и смерти, Христос приходил не затем, чтобы Ему служили, а чтобы Самому послужить и положить душу Свою за избавление мира. К тому же зовет Он и Своих последователей. Особенно поучительный пример смирения показал Христос на Вечери Тайной, умыв ноги Своим ученикам. И все, хотящие быть друзьями Христа Спасителя (а кто из христиан не хочет этого?), должны Ему подражать прежде всего в смирении, друг другу покаясь и друг другу умывая ноги. Христиане должны честью друг друга больша творить (см.: Рим.12:10), так, чтобы первый между ними добровольно был всем слуга.

Смирение по отношению друг к другу особенно необходимо христианам, которые как братья во Христе должны прилагать все старания к стяжанию братолюбия, совершенно несовместимого с гордостью. Два примера имеют они пред собой: с одной стороны - Христа Спасителя, Который, прослезившись у гроба Своего друга Лазаря, образ нам предлагает сердечная любовь, с другой стороны - Искарота, который, волею забыв закон дружбы, предложил своему Учителю нож, медом помазанный (Великий Четверток, повечерие, канон, песнь 9-я), и, предав Его за сребреники на смерть, сам лишается обоюду жизни привременная и божественная (Великий Четверток, стихира на стиховне). И не только с братьями по вере должны быть в добрых отношениях христиане, не только в своей среде должны хранить мир, но в мирных же отношениях должны быть и со всеми окружающими. Мир имейте в себе и во всех (Великий Понедельник, утро, канон, песнь 8-я), - поучает Христос Своих учеников, ибо доброе, миром и любовью, смирением, не превозношением проникнутое отношение христиан ко внешним - лучшее свидетельство истинности веры Христовой, сильнейшее средство для привлечения в лоно Церкви не принадлежащих еще к ней.

За первой степенью смирения - смирения по отношению к людям - следует вторая - смирение пред Богом. Там человек не превозносится, потому

что видит бездну собственных грехов. Здесь он не может гордиться, потому что и добрые свои дела, если таковые есть, он не приписывает себе, своим собственным силам, а все их относит к Богу, к помощи Божией благодати. Если и пробудился человек от тяжкого сна греховного, то только потому, что его воздвиг Христос. Если не колеблется его ум прилогами врага злого, то только потому, что Един Святой утвердил его Крестом на камени веры. Если и имеет он какие добродетели, то только потому, что обогатило его ими Слово, простершееся на Кресте, поставив его на путь подвига и богоугождения. Если он и добро течет к будущему, то только потому, что Сам Господь благодетельствует и укрепляет его душу и тело. Если он и идет ко спасению, то единственно только потому, что у него есть Помощник и Покровитель (Великий канон, песнь 1-я, ирмос). Как ветвь приносит плоды, потому что пребывает на лозе и от нее получает жизненные соки, так и христианин приносит добрые плоды только потому, что пребывает со Христом и от Него получает силу и поддержку в своих делах. А без высшей помощи человек не может положить и начала исправления. Только Христос приводит к исправлению жизни. Только Он дарует злых отчуждение и совершенное исправление, спасает и дарует спасение единственно только по Своему благоутробию, а не за наши дела, которые все суть люты. Понятно, что, сознавая все это, человек должен только смиряться пред величием Божиим, присно смиренным быти и уже, конечно, не тщиться оправдывать себя в своих падениях и грехах. Не ревнуя фарисееву возношению и самохвальству и мытаревым прегрешениям, должно подражать смирению и покаянию последнего и добрым делам первого. Не мудрствуя высокая, но водясь смиренными мыслями, считая себя нищим духом, христианин должен приносить Господу сердце сокрушенное и дух смиренный. Для христианина нет иного пути к возвышению, к совершенству, кроме пути смирения и добровольного уничижения. Пример мытаря и фарисея - яркий пример того, что возносящий себя будет смирен и, наоборот, смиряющий себя будет вознесен (ср.: четверг 4-й седмицы, утро, на стиховне самогласен). Это и понятно. Как возношение в себе самом носит тягчайший грех гордости, которая есть корень всего зла, так смирение в самом себе носит залог укрепления в добре, будучи само матерью всех добродетелей.

Высокотварно смирение! Оно как на легких крыльях возносит смиренного и приближает его к Богу; смирение - лестница к Небу. Расточая множество страстей и истребляя все злое, вольное смирение на земле - залог будущего оправдания. Господь, не внимающий велемудренным помыслам,

сокрушенные сердца не унижает и смиренным дарует благодать (ср.: Неделя мытаря и фарисея, 4-я песнь канона).

Смиренное сознание своей немощи и грехов естественно вызывает в христианине покаянный вопль о помиловании, а вместе и горькие слезы об утраченных благах и о своей преступности. Сравнивая свое настоящее положение с первоначальным назначением, христианин вместе с Адамом, рыдая, плачет: Увы мне, прелестию лукавою увещанну бывшу и окрадену и славы удалену! Увы мне, простотою нагу, ныне же недоуменну! Но о раю, ктому твоя сладости не наслаждуся: ктому не узрю Господа и Бога моего и Создателя: в землю бо пойду, от неяже и взят бых (Неделя сыропустная, *Слава на Господи, воззвах*). Грех внес расстройство в природу человека, обнажил его светлой ризы нетленные, лишил райской доброты и красоты. Но больше всего плакать должен человек о том, что отвергся он Бога, лишился славы Божией, оскорбил Того, Кого предназначен был славить вместе с Ангелами. Увы мне! - плачет грешник, сознающий все это, сознающий, что и теперь, после искупительной жертвы Христа он ставит себя в то же положение, в каком был и Адам после падения. - Увы мне! Кого рыданий содейственника сотворю? (Неделя сыропустная, на хвалитех стихира самогласна). И зовет грешник ангельские чины оплакивать его падение, зовет доброту рая, богонасажденные сады проливать слезы о нем. Мене рыдайте ангельстии чинове, рая доброты, и садов тамошнее благолепие, прельстившагося злополучно, и Бога отвергшагося.

Луже блаженный, садове богосажденнии, рая красото, ныне о мне слезы проливайте, от листов, якоже от очию, обнажением и страннем славы Божия (Неделя сыропустная, 4-я песнь канона).

И не тщетны остаются покаянные слезы грешника. Они омывают скверны души, подобно тому, как вода смывает телесные нечистоты, так и они очищают всю скверну страстей, так как душа грязнится и пачкается только страстями. Грешник знает, колико могут слезы: Езекию от врат смертных возведоша, грешную от многолетних согрешений избавиша, мытаря же паче фарисея оправдаша (Неделя мытаря и фарисея, *Слава на Господи, воззвах*). Поэтому и обращается он с усиленной молитвой ко Христу: Слезы точити Тебе от сердца сподоби всегда, ко отмовению скверн душевных (четверг 2-й седмицы, утро, по 3-м стихословии седален). И служат эти чистильные слезы покаяния к отмовению скверн душевных, к прозябению святых заповедей, угашая пламень страстей. Поэтому-то и говорит Христос Своему апостолу,

имевшему отречься от Учителя и Господа: Горце прослезив, обрящещи Мя обаче милостива (Великий Пяток, утро, 8-я песнь канона).

Эти же слезы покаяния служат к избавлению душ наших от будущего мучения. Если справедливо, чтобы наслаждавшиеся благами в этой жизни страдали в будущей, а получившие здесь злое там наслаждались, то справедливо, чтобы плачущие здесь были утешены там, не услышав на Страшном Судище грозного прещения.

Глава третья

Желающе Божественныя Пасхи причастится, не от Египта, но из Сиона грядущия, греховный квас отыдем покаянием: препояшим чресла наша умерщвлением сластей; украсим ноги сапогами возбранительными от всякаго дела лукаваго, и утвердимся палицею веры; не ревнуем врагом Владычняго Креста боготворяще чрево, но последуем постом, на диавола победу нам показавшему, Спасу душ наших. Четверг 1-й седмицы, вечер, на стиховне самогласен

Лукавый враг-человекоубийца не оставляет в покое грешника, смиренно сознающего свою греховность и с покаянным воплем прибегающего к милосердию Владыки. Пользуясь настроением кающегося, он самое доброе расположение его старается обратить во зло. Крайность всегда и везде опасна, именно на этот опасный путь и толкает древний обольститель вступившего на поприще покаяния.

Грешник осознал свою греховность и непотребство, он понимает, сколь гнусны его дела. Нужно измениться, нужно покаяться, обратившись к Господу за милостию, так как сам по себе человек не может и покаяться. Но является искушитель и, как древле в раю клеветал Адаму на Господа, будто Господь, по зависти не желая поделиться с человеком Своими совершенствами, запретил ему вкушать от древа познания, так и теперь начинает клеветать на Милосердного Отца. Ярko представляя человеку всю тяжесть его падений, всю гнусность его грехов, он сгущает темные краски, внушая человеку мысль, будто грехи его столь велики, будто он в них так закоренел, что нет уже ему надежды на исправление. Он внушает грешнику, будто смрад греха его настолько силен, что совсем уже отогнал от него Божию благодать и что нечего уже обращаться к Богу, так как прогневанный грехами его Господь все равно не умилосердится к нему, ибо он и недостоин Божией милости, растратив полученное в крещении богатство безгрешия и жизни. Такие мысли легко могут привести грешника, если он поддастся им и уверует в них, в лютую пучину уныния, в глубину отчаяния. "А отчаиваться, - говорит преподобный Иоанн Карпафский, - бедственнее, чем согрешать. Иуда предатель был малодушен и неискусен в брани, почему впал в отчаяние, и враг, набежав, набросил на него петлю. Петр же - сей камень твердый, - подвергшись страшному падению, как искусный в брани, не упал духом и не отчаялся в крайней скорби своей, но, вскочив, излил горчайшие слезы от сердца сокрушенного и смиренного; и супостат наш, видя сие, как сильнейшим пламенем палимый в лице, тотчас отскочил и убежал далеко, лютые испуская вопли" [34]. Христианин всемерно должен беречься опасного состояния - отчаяния. Сознывая всю свою греховность, все свое

окаянство, не пытаясь придумывать извинения своим грехам, он все же не должен терять надежды на Божие милосердие. Образ жития моего срамный и лютый, - должен сознавать грешник. - Милость безмерная, Человеколюбче Спасе, Твоего благоутробия (понедельник седмицы сырной, 8-я песнь канона). Блудный сын, жена блудница, разбойник - яркие примеры того, что ни величество прегрешений, ни грехов множество не превосходят Божие человеколюбие и милосердие крайнее. И человек, весь покрытый проказою грехов, все же не должен предаваться отчаянию. Рука Моисеева уверяет, как может Господь убелить и очистить жизнь прокаженную (см.: Великий канон, песнь 5-я). И истаявающий недугом греховным, и низлежащий уже, казалось бы, на одре отчаяния все же не должен терять надежды, что Врач болящих посетит и его Своим человеколюбием, что Всещедрый не оставит и его уснуть в смерть. Воодушевляясь примером жены хананеянки, грешник не должен прекращать покаянного вопля: Милости Бездно, помози ми, и Твоим благоутробием одожди ми очищение грехов (вторник 3-й седмицы, утро, 9-я песнь канона).

Но полагаясь на милости и благоутробие Божие и не предаваясь отчаянию, грешник тщательно должен избегать и другой крайности, в которую толкает его враг. Видя, что предшествующая его попытка осталась безрезультатна, или зная, что известный человек не поддается на удочку отчаяния, исконный враг человека начинает внушать ему совершенно противоположные мысли: "Да, грешник много творил и творит беззаконий, но Господь - бездна милосердия, и сколько бы ни грешил человек, Он все простит ему". Такие внушения ведут внимающего им на столь же опасный, как и отчаяние, путь беспечности. Не видя явных прещений за свои преступления, человек начинает думать, что сколько бы ни грешил он, все прощается и будет прощаться ему человеколюбивым Отцем. Он забывает, что если Господь не наказывает явно грешников, то единственно по Своему долготерпению, ожидая обращения заблудших. Не небрези, душе, Богу долготерпящу (пятница сырной седмицы, песнь 7-я канона) - с такими словами должен чаще обращаться грешник к своей душе. Господь сколько Милосерд, столько же и Правосуден, и если еще милует грешника, долготерпя, то рано или поздно придет за тем, чтобы наказать грешных и спасти праведных. Чтобы познавший Божие человеколюбие не проводил беспечной жизни, говоря: "Бог человеколюбив, и когда я отстану от греха, сразу все могу восполнить", - Святая Церковь постоянно напоминает нам о Страшном Судище Христовом. Этому же воспоминанию она посвящает третью приговорительную к Великому

посту Неделю, чтобы устрашить небрежно живущих смертью и чаянием будущих казней возвести к добродетели, чтобы не надеялся кто только на человеколюбие, но усмотрели бы все и то, что Бог есть Праведный Судия и воздает каждому по делам его. Там на будущем нелицеприятном суде, ничтоже помощи может, Богу сущу Судии, ни старания, ни хитрость, ни слава, ни дружба, могут помочь только одни дела (Неделя мясопустная, 6-я песнь канона). Поэтому христианин должен усердно запасаться елеем добрых дел. Добродетели - это самый угодный Господу дар, как свидетельствующие о нашем изменении к лучшему, чего единственно желает от нас Владыка.

Но грешный человек ничего не может сделать без насилия над своей порочной природой. Христос Спаситель сказал, что Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (см.: Мф.11:12). И христианин, желающий наследовать это Царство, должен сам понуждать себя, сам устремлять себя к подвигам не только духовным, но и телесным, без которых нельзя достигнуть первых, очищая и душу и плоть, постясь как от страстей, так и от снедей.

Уже не раз было замечено, что без Божией помощи человек сам не может совершить ничего, однако как в деле обращения на путь истины, так и вообще во всем шествии христианина к Небесному Царствию необходимо участие его собственной воли. "Совершенство без усилий со стороны усовершенствующихся никак не может быть получено, - говорит святой Иоанн Кассиан, - и ими одними без благодати Божией оно никак не может быть доведено до надлежащей степени. Ибо мы как говорим, что усилия человеческие сами по себе без помощи Божией не могут его достигнуть, так утверждаем, что благодать Божия сообщается только трудящемуся в поте лица, или, говоря словами апостола, даруется только хотящим и текущим" [35]. Милосердие Божие готово нам даровать все, как только мы дадим ему к тому случай привнесением своей доброй воли. Таким образом, христиане должны идти навстречу Божией благодати, должны привносить свою волю, и именно добрую волю. Они должны заботиться о том, чтобы не уподобиться смоковнице бесплодной, добрых неделанием. А делание добрых, как было замечено, не может быть совершено без насилия над собой, над своей греховной природой, без борьбы с ней, без подвига.

Христиане при самом вступлении своем в ограду Христову получили великие дарования. Их они должны с пользою употребить в дело. Не уподобляясь лукавому рабу, пренебрегшему дарованием, но как добрые рабы должны они усердно служить своему Владыке, многоусугубляя полученные

таланты благодати: ов убо мудрость да приносит дела благими, ов же службу светлости да совершает. Да приобщается же словом верный тайны ненаученному, и да расточает богатство убогим другим (Великий Вторник, стихира на стиховне). Постоянно трезвясь, бодрствуя, воздыхая, покаянием избегая греха и слезами раздирая плачевную ризу страстей, христиане не должны ослабевать в подвиге, далече отвергая от себя леность.

Первая ступень подвига - это воздержание. Христианин прежде всего должен удерживать себя от всего греховного, от всего, что удаляет его от Бога. Имеющий выйти на состязание готовится воздержанием в пище, чтобы легче и свободнее было вести борьбу. Тем более должен воздерживаться христианин, ведущий постоянную брань духовную. Как совершающий эту брань в теле, он должен первее всего воздерживаться от того, что отягощает и расслабляет его тело, первее всего должен поститься телесно, воздерживаясь как в количестве, так и в качестве брашен. Пост не ошаяние брашен точию совершим (вторник 1-й седмицы, вечер, стихира на стиховне), говорит Святая Церковь, то есть, хотя одного воздержания от известных родов пищи недостаточно, но все же в определенное время и оно необходимо. Вообще христианин должен быть весьма воздержанным в отношении пищи. Он должен блюстись, чтобы не прельстил его чревобесия змий, должен воздерживаться от услаждений своей гортани почитаемыми брашны, по приятии же безчестуемыми (пятник 1-й седмицы, утро, на стиховне самогласен). Особенно же должен остерегаться христианин вина.

Но одного телесного поста недостаточно. Когда совершается пост только телесный, без очищения от страстей, когда воздержание в пище не служит поводом к исправлению жизни, постящийся может уподобиться злым демонам, николиже ядущим, делая пост совершенно бесполезным. Главным же образом христианин должен поститься от пороков, первым шагом к чему является пост телесный, обуздание тела, укрощение злых склонностей его. Христианин должен избегать невоздержания в пище и питии, потому что пресыщение рождает многие страсти. Истинный же, совершенный пост есть воздержание от страстей вредных, от зависти и ненависти, и всякия злобы (вторник 1-й седмицы, 8-я песнь канона). Духовный пост состоит в том, чтобы удаляться всего, в чем зазирает совесть, что несогласно с учением Христа, избегать не только грехов, а и соблазнов ко греху, удерживать не точию чрево, но и другия греха входы (вторник 2-й седмицы, вечер, на стиховне самогласен). Пост христианина, воздержание вообще является с его стороны как бы некоторым благоприятным даром Христу Богу; Христос же ясно сказал в

Святом Евангелии, что если кто принесет дар и вспомнит, что брат его имеет что-нибудь против него, он должен прежде примириться с братом, и тогда в мире, со спокойным сердцем может приносить Господу свой дар. Поэтому, совершая истинный пост, принося в жертву Господу свое воздержание, последователь Христов непременно должен отпустить и братии долги, непременно должен разорвать и всякие обязательства, тем паче всякия "неправильныя рукописания" (ср.: среда 1-й седмицы, вечер, стихира на *Господи воззвах*). Вообще один из необходимых признаков истинного поста - добрые, братские отношения к окружающим: постится ли христианин, он должен наблюдать, чтобы не презреть ближнего; воздерживается ли от брашен - не должен осуждать брата. А чтобы быть в мире с окружающими, чтобы быть с ними в братском общении, нужно прежде всего не полагать брату преткания в соблазн, не говорить льстивых речей, беречься от оглаголения, лжи и клятвопреступления, вообще удерживать свой язык (ср.: понедельник 1-й седмицы, вечер, на стиховне, самогласен). Христианин всегда должен усиленно молить Господа, дабы Он положил хранение устам его и дверь ограждения о устах его, и понятно почему. Часто одно слово какие печальные последствия приносит, недаром говорят, что язык наш - враг наш. Недаром и апостол Иаков утверждает, что язык - огонь; он содержит целый мир неправды; он - неудержимое зло, он исполнен смертоносного яда (см.: Иак.3:8). А того, кто навек не согрешать в словах, апостол называет человеком совершенным, могущим обуздать все тело.

Итак, христианин должен воздерживаться от всего греховного и оскверняющего, должен постоянно поститься от страстей и пороков, но одного только воздержания недостаточно. Недостаточно только удаляться от врагов, так как нельзя поручиться, что они, набрав много сил, не ринутся с ожесточением на того, кто только в удалении от них полагает всю безопасность. Спокойным можно быть только тогда, когда враг побежден, разбит и уничтожен. И христианин должен постоянно бодрствовать, постоянно вооружаться и готовиться к брани, непрерывно вести ее со своими многочисленными врагами. Первый и самый коварный из них - диавол. Этот древний змий человекоубийца, как лев рыкающий, ищет себе брашно сотворити всякую душу (среда ваий, песнь 9-я канона). Он поражает подвижника своею лютостью, он обращает против него свое оружие - коварство, язвит своими стрелами - прельщениями-прилогами; он всюду раскидывает свои сети, прикрывая их греховными приманками, суетными, душегубительными удовольствиями; он приводит целые полки свои бесовские. И

кто не желает попасть в плен к богопротивнику, кто не желает стать снедью вселукавого, стяжанием и брашном чуждому (ср.: Великий канон, песнь 4-я), тот заранее должен запастись оружием, заручиться помощью Сильнейшего. Такое оружие - деятельная вера в Распятого, такую помощь мы можем получить только от нашего Владыки - Христа. К Нему и должен прибегать всякий, уязвляемый ядовитыми стрелами врага, всякий, зараженный грехами, а кто чист будет от скверны? Никтоже, аще и один день житие его на земли (см.: Иов.14:4-5), к Нему должен обращаться с сердечной просьбой об исправлении, ибо исправление грешника - смертельное оружие против врага. Во мне зря грех, льстивомудрый, спешится и содействует греху: радуется бо воистину о моей погибели. Но Ты ми даждь исправление, Спасе, во онаго убиение, молюся (пяток 1-й седмицы, утро, 5-я песнь канона). Обращение к Распятому и вера в Него ставят человека под сень Креста, а Крест - оружие непобедимое. Им отгоняются бесовские полки, им низлагается враг. Силою Креста ограждаемые христиане побеждают чуждые полки бесовские.

Вера во Христа соединяет человека с Ним. Для того же, чтобы хранить это соединение, нужно Христу и следовать. А последователь должен подражать своему предводителю, ученик - своему учителю. Поэтому все, хотящие по следу житьствовать Пострадавшего (ср.: среда 1-й седмицы, 3-я песнь канона), все, хотящие последовать Христу, должны отвергнуться себя и мира и взять крест на рамо, соображаясь Его Божественным страстям. Все прилепившиеся Господеви вся тщасемуса пострадати должны быть вместе с Ним, и готови будем на оплевания, на поругания и на унижения (Неделя ваий, на повечерии, 1-я песнь канона). Как рабы Христовы, христиане должны спострадать своему Владыке в надежде прославиться как чада Божии. Для того же, чтобы удостоиться быть сопричастником страданий Христовых, чтобы достойно последовать страстям Его, нужно всего себя предать Ему, нужно все тело наше сделать оружием правды. Необходима борьба со своей плотью, со своими страстями и греховной настроенностью. Необходимо добровольно распять себя, распять уды свои воздержанием. Здесь пост телесный и вообще воздержание являются уже средствами борьбы. Пост - страсстобийца, ибо страсти лучше всего умерщвляются воздержанием. Привычка, говорят, вторая натура. Так и к страстям мы привыкаем, и наоборот: чем чаще воздерживаемся от обуревающей нас страсти, тем легче от нее отвыкнем, скорее освободимся. Равным образом, чем больше прилагаем стараний не впасть в какую-либо страсть, тем больше будем мы застрахованы от нее, так как в первый раз совершить какой-либо дурной поступок нам будет и страшно, и стыдно.

Поэтому-то пост и называется хранителем чистоты и матерью бесстрастия (ср.: вторник 2-й седмицы, 8-я песнь канона). Даже пост физический имеет громадную цену. Истончаемая плоть, он умерщвляет в ней многие страстные движения, происходящие по большей части от излишнего изобилия соков. "Не только качество пищи, - говорит преподобный Иоанн Кассиан, - но и количество расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный, греховный огонь. Излишество всяких яств обыкновенно делает тело шатким и колеблющимся и лишает чистых и непорочных помышлений. Чистота души неразрывно связана с голоданием чрева" [36]. Воздержание смиряет тело, уничтожает душевные взыграния (вторник 4-й седмицы, стихира на *Господи, воззвах*). Страсти телесные лучше всего смиряются брашен отложением и сластей отвращением (понедельник 4-й седмицы, стихира на *Господи, воззвах*). Чревного беса можно поразить только постом укрепившись, и тогда уже не посмеется Далида страстей, прельщающая нас (понедельник 3-й седмицы, 1-я песнь 2-го канона).

Борьба с врагами, если она ведется как должно, поставляет христианина в более надежное и спокойное положение в жизни земной, ибо страсти, побеждаемые им, не волнуют и не мучают его. Но эта же борьба уже ходатайствует и будущую награду. Должно жертвовать благами земными ради благ вечных. Но к принятию этих будущих благ необходимо заранее приготовить себя. Эти будущие блага, конечно, - то единое благо, которое потерял человек в раю, достижение которого должно быть целью его жизни, - совершенство по образу совершенства Отца Небесного и неизреченная радость богообщения. К этому-то и должны христиане готовить свое сердце, заботясь об очищении его от зла, ибо это - единственное средство приготовить себя к зрению Господа, дающего нам и очищение, и избавление. Только постясь мы можем наслаждаться Божественной любовью. Только победив долу влекущие страсти, которые омрачают душу, можно войти в мир чистых видений. Только истончив плоть свою постом, как Илия, можно узреть Господа. Только возлюбившие чистоту, только чистые явятся неосужденно Чистому и Единому, от всех ищущему чистоты, ибо, по слову Христа, только чистые сердцем узрят Господа (см.: Мф.5:8).

Уготовляясь к лицезрению Бога, очищая сердце свое от грехов и пороков, подвижник Христов должен прежде всего позаботиться об уничтожении корня всех их - гордости. Недаром же Святая Церковь в самом начале подвига поста предостерегает своих чад от этой губительной страсти примером фарисея, который гордынею гнилою и безумием... вознесся... снисде до ада преисподняго (Неделя мытаря и фарисея, 7-я песнь канона).

Христианин всеми силами души должен ненавидеть гордыню, потому что она - причина потери благодати, потому что от возношения испражняется всякое благое (Неделя мытаря и фарисея, 1-я песнь канона). Гордостью и возношением пользуется враг как оружием против идущих уже путем добродетели. Связывая грешных сетями отчаяния, он образи тщеславия крадет у праведных все их совершенство (Неделя мытаря и фарисея, 7-я песнь канона). Решительным противоядием гордости служит смирение. А к смирению приводят телесные труды. Телесные труды и подвиги умерщвляют противника души - мудрование плоти. Труд смиряет тело, а когда тело смиряется, то вместе с ним и душа смиряется. Но одного смирения недостаточно, если оно не будет соединено с другими подвигами и добродетелями [37].

Христианин должен уклоняться от зла и вести с ним борьбу, но этого только недостаточно - необходимо еще совершать и положительное добро. Земледельцы не ограничиваются только расчисткой и обработкой поля; если не засадят его добрыми семенами, на нем снова появятся сорные травы и еще сильнее укоренятся, чем раньше. Так бывает и с человеком. Духовная жизнь не терпит застоя. Человек всегда идет или к лучшему, или к худшему, так что нельзя, собственно, представить, чтобы человек только воздерживался от дурных дел. Если он хочет твердо стоять на пути Христовом, он должен не только воздерживаться от зла и бороться с ним, но и делать добро. Его горящий светильник должен быть полон елеем добрых дел. Солью добродетелей он должен предотвращать дальнейшее греховное разложение.

Зная Господни заповеди, христиане должны питать алчущих, поить жаждущих, одевать нагих, упокоивать странников, посещать болящих и сущих в темнице. Ничесоже бо тако спасает душу, якоже подаяние требующим. Милостыня, растворенная постом, от смерти избавляет человека. Сию целуим, ейже ничтоже равно, довольна бо есть спасти души наша (четверг 2-й седмицы, утро, на стиховне самогласен). И понятно, почему так высоко ставится милостыня. Питая убогих, мы питаем Того, Кто напитал нас.

Конечно, все добрые дела человека имеют цену в очах Божиих только тогда, когда руководящим мотивом к их совершению является любовь к Богу, которая не может быть без любви к ближним. Христианин ожидает от Бога великих милостей, но милость воспринимается только с помощью милости, как и Христос сказал, что милостивые помилованы будут (см.: Мф.5:7).

Как плод чистой бескорыстной любви, добродетели христианина не должны быть совершаемы напоказ, но так, чтобы не ведала шуйца десницы

дело, чтобы не расточило тщеславие плод милостыни (Неделя 1-я, вечер, на стиховне самогласен дне). Втайне добродетели делающий, духовная воздаяния чающий, не посреде торжищ и распутий являют сия, но внутрь сердца носят паче; и всех видяй бываемая в тайне, мзду воздержания подает (среда 4-й седмицы, стихира на *Господи, воззвах*).

Идя тяжелым путем подвига, христианин весьма нуждается в высшей помощи. И эту помощь ему дарует во всякое время Щедрый Промыслитель. Милосердия ради Себя смилив, Он к падшим Своим сынам приблизился. Ибо Сам, как Человеколюбец, сретае падших, и облобызает, и спасение дарует. Если кто и долу падает, Милостивый не гневается как Человеколюбец. Только бы сам человек шел за помощью, только бы призывал из глубины сердца бездну Божия благоутробия; только бы сам укреплял свое сердце не яствами, а надеждою благодати, дерзновенною надеждою на множество милостей Христа Спасителя, только бы он сам с теплою молитвою о помощи обращался к Богу.

Молитва приближает человека к Богу, она есть беседа с Ним, так как только с горы молитвы можно услышать Божественный голос. И присно принимает Владыка моления и молитвы рабов Своих, принимает и исполняет их прошения, впрочем, при одном условии: если возносятся они совестью чистою. Принимает молитву как благовонное курение, если она возносится от души, то есть когда человек не одну только формальность соблюдает, а когда молится, потому что чувствует насущную потребность молиться, сознает необходимость просить Божественной помощи, ощущает неудержимое стремление беседовать с Богом. Когда, например, не решается начать какое-либо дело, не помолившись Господу и не испросив Его благословения не по суеверному страху, не потому, что принято молиться перед началом дела, а также, как не решается он на какой-либо шаг, не посоветовавшись с ближайшим другом своим, от которого ждет доброго совета, указания и помощи.

Искренняя молитва не бывает неслышана. Все прошения христианина, яже ко благу, исполняются Господом Богом. А если наше прошение не исполняется, значит, просимое бесполезно для нас. Искренняя молитва в соединении с постом - подлинно дивное оружие наше. Она укрепляет подвижника в его трудах, как щит прикрывает его в брани, укрепляет в надежде, увеличивает его радости, умаляет его скорби. Молитва как беседа с Богом уже здесь, на земле, дает человеку насладиться предвкушением райского блаженства, поставляя его в непосредственное богообщение.

Разумное, укрепляемое молитвой упражнение христианина в подвиге, когда он, приняв вдруг скрижали заповедей и их исполняя, взойдет на гору молитвы, когда он не в брашнах и питиях труждается, но в молитвах и постах добродетели совершает, - приносит ему великие блага еще здесь, на земле, так как добродетельная жизнь сама по себе есть неоценимое приобретение. Восшедшие на гору добродетели ясно слышат, что говорит Господь, а Он возглаголет мир и просвещение и исцеление душевных сокрушений. Таким образом, они еще здесь, на земле, обретают на горе добродетелей внутренний мир, радость духовную и успокоение. А там, на Небе, конечно, велика будет награда им.

Заключение

Воскресения день, просветимся, людие! Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас приведе, победную поющая! Неделя 3-я, ирмос 1-й песни канона

Велики и тяжелы труды подвижника Христова. Но безмерна награда, ожидающая его, если он добро совершит течение земной жизни. Эти будущие неизреченные блага, как яркий маяк, должны освещать его путь, ободряя, воодушевляя и поддерживая его в трудные минуты.

Чрез все великопостное богослужение красной нитью проходит утешительная мысль, что за подвигом поста следует радость Христова Воскресения. Особенно ярко эта мысль выступает в Неделю Крестопоклонную, в преполовение Четыредесятницы, которая "горькому источнику подобна есть... сокрушения ради, и сущия нам от поста горести и печали" (синаксарий Недели Крестопоклонной), - когда даже в качестве ирмосов канона Триоди полагаются ирмосы Пасхального канона Воскресения день [38], когда Святая Церковь, дабы ободрить и утешить своих чад, ослабевших от подвига пощения, износит пред взорами их Честный Крест, то священное знамение Воскресения и победы, которое так часто видят они в дни Святой Пасхи в руках священнослужителя, приветствующего их вечно радостным: "Христос Воскресе!"

Вся жизнь наша обращена к Вечной Пасхе и ждет приближения ее. Здешняя Пасха, хотя велика и досточтима, но она, как рассуждают отцы наши, есть только образ той Пасхи [39].

Поэтому христиане и просят Господа не только удостоиться видеть образа Пасхи совершение, но и истинное явление. И как в подвиге поста Четыредесятницы христианина поддерживает мысль о радости Светлого Христова Воскресения, так и вообще во всех подвигах жизни и шествия по пути Христову его должна поддерживать мысль о великой радости будущего Воскресения, когда Христос добре потрудившихся соделает сынами Воскресения, сподобит славы оныя с веселием (суббота мясопустная, стихира на хвалитех). Тяжел, правда, труд христианина, зато какое блаженство ожидает его! Чрез Голгофу и Крест мы вместе со Христом идем в радость Воскресения и за немногие годы страданий получим присное веселие, вечное радование. Все, в течение жизни земной подвигом добрым подвизавшиеся, все, жаждавшие причаститься Божественной Пасхи, все, уготовлявшие себя к преселению в Сион, Владычняго священнодействия (вторник сырной седмицы, на стиховне

самогласен), все, стремившиеся взять талант - древний образ - и не зарывшие, конечно, его в землю, получают вечную жизнь. Они получают утраченное было возжеленное Отечество, снова станут жителями рая, того дивного Едема, где нет болезни, печали и воздыхания, получают селение радости, в стране живых водворяясь. Здесь, в Небесном Отечестве, истинным постникам за земные труды уготованы победные венцы, венцы нетленные сладости. Причисленные к доброй Христовой ограде навеки, совокупленные к небесному лику, возвратившиеся к Небесному Отечеству, они обымут там жизнь вечную, получают там утешение велие, сладость нестареемую, вечное радование, богато насытятся мысленной манны, сподобятся быть причастниками вечного не вечернего света. Но главное блаженство это в том, конечно, заключаться будет, что христианин-подвижник станет вместе со Христом наследником славы Отца Его, общником тамошней трапезы, сообедником светлым и причастником Царствия Христова. Как сопричастник и сонаследник Небесного Царства, как сообщник славы Христовой христианин сподобится здесь неизреченной радости богообщения, удостоится зреть недоуменную доброту Владычню, будет наслаждаться благолепием Божией красоты, которую, конечно, будет созерцать не сквозь мрак, а лицом к лицу. И эту радость он будет выражать здесь в том, что вместе с Ангелами будет хвалить своего Творца, славить Его во вся веки.

Адам из рая отгонится, пици причастився, яко преслушник: Моисей боговидец бысть, постом очи душевныя очистив. Темже рая жителие быти возжелавше, изменимся от неполезныя пици и Бога зрети желающе, Моисейскую четверицу десятиц постимся, молитвою и молением чисто терпяще: утолим душевныя страсти, отженем плотския сласти, легцы к горнему шествию преїдем, идеже ангельстии лица немолчными гласы нераздельную воспевают Троицу, зрети недоуменную доброту и Владычню. Тамо сподоби нас, Сыне Божий, Жизнодавче, на Тя надеющихся, ликовати со ангельскими воинствы, рождшия Тя Матере Христе молитвами, и апостол, и мученик, и преподобных (Неделя сыропустная, стихира на хвалитех).

Примечания

Печатается по: *Сахаров Сергей*. Настроение верующей души по Триоди Постной. М.: Новоспасский монастырь, 1997.

1. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Исторический обзор песнопевцев и песнопений Греческой Церкви. Чернигов, 1864. С.278-279.
2. Там же. С.309.
3. *Ловягин Е.* Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках. СПб., 1856. С.64.
4. Домострой благовещенского попа Сильвестра / Сообщено Д.П. Голохвастовым. М., 1849. С.10.
5. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1880. Т.2. С.23.
6. *Гермоген, епископ Псковский.* О богослужении Православной Церкви. СПб., 1911.
7. *Никольский К., прот.* Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви. СПб., 1897. С.54-55.
8. *Соколов В., свящ.* О церковном богослужении // Христианин. 1910. N2. С.337.
9. В изданном в 1865 г. сочинении архимандрита Модеста "О церковном Октоихе" (Вильна) целая, довольно обширная, глава посвящается содержанию Октоиха. Но здесь излагается содержание только воскресных Троичных канонов, догматиков и степенных антифонов.
10. В одной рукописи XIII в. говорится, что третье поклонение Честному древу бывает в середине поста, в память перенесения его из Анамеи при императоре Иустине. - *Карабинов И.* Постная Триодь: Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910. С.33.
11. Там же. С.31.
12. Там же. С.204.
13. *Дебольский Г., прот.* Дни богослужения Православной Кафолической Восточной Церкви. 4-е изд. СПб., 1849. Кн.II. С.82.
14. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Указ. соч. С.V.
15. Магистерский диспут священника Иоанна Орфанитского // Богословский вестник. 1905. Март. С.595-596.
16. Там же. С.607.
17. *Скабаланович М.* Великий пост. Киев, 1900. С.3.
18. Святого отца нашего Феодора Студита подвижнические монахам наставления // Добротолюбие (русский перевод). М., 1901. Т.4. С.305, 345-346.
19. Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка / Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1904. С.20.
20. Творения святителя Григория Нисского. М., 1861. Ч.1. С.157-159.
21. Помысл - это зерно греха. Постепенно развиваясь и укрепляясь в душе человека, помысл переходит в греховное направление, а это последнее, в свою очередь, завершается внешним фактом. - *Соколов Л.* Психология греха и добродетели по учению святых подвижников. Вологда, 1905. С.9-10. По словам преподобного аввы Дорофея, бывает, что и один помысл может удалить человека от Бога, как скоро человек примет его и подчинится ему (Указ. соч. С.146).
22. Слова преподобного Симеона Нового Богослова / В переводе на русский язык с новогреческого епископа Феофана. М., 1882. Вып.1. С.19.

23. Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях / Переведены с греческого при Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1904. С.294.
24. Полное собрание проповедей Димитрия, архиепископа Херсонского и Одесского. М., 1889. Т.5. С.4.
25. Преподобного аввы Дорофея. Указ. соч. С.50.
26. Преподобного Макария Египетского. Указ. соч. С.355-356.
27. Преподобного аввы Дорофея. Указ. соч. С.56-57.
28. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христоролюбивого града Ниневи. Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1893. С.390.
29. Наставления святого Марка Подвижника к духовной жизни // Добротолюбие в русском переводе. М., 1895. Т.1. С.498,500.
30. Творения аввы Исаака Сирина. Указ. соч. С.392.
31. Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани // Добротолюбие в русском переводе. М., 1895. Т.2. С.81.
32. Слова преподобного аввы Исаии к своим ученикам // Добротолюбие в русском переводе. Т.1. С.370.
33. Преподобного аввы Дорофея. Указ. соч. С.80.
34. Преподобного отца нашего Иоанна Карпафского к монахам, находящимся в Индии, писавшим к нему, сто увещательных глав // Добротолюбие в русском переводе. М., 1900. Т.3. С.99.
35. Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани // Добротолюбие в русском переводе. Т.2. С.85-86.
36. Там же. С.21.
37. Объяснение некоторых изречений святого Антония Великого, сделанное после его смерти одним старцем // Добротолюбие в русском переводе. М., 1895. Т.1. С.146.
38. Эти ирмосы, как ирмосы уже 3-го (после воскресного и Богородичного) канона, обычно опускаются. Но в некоторых местах они поются в качестве катавасии (не по уставу). Когда я учился в Шуйском духовном училище, там обычно в Неделю Крестопоклонную после литургии совершался молебен Кресту, на котором вместо обычных запевов пелись ирмосы этого канона. Помню, какое сильное впечатление производило это пение на всех, как воодушевляло оно нас, малышей, какой радостью наполняло! Этот день был какой-то особенный. Забывалась совершенно тяжесть поста. А пост тогда блюли куда строже, чем теперь.
39. Святого Феодора Студита подвижнические монахам наставления // Добротолюбие в русском переводе. М., 1901. Т.4. С.408.

Славы Божия ревнитель: Жизнеописание и труды исповедника епископа Афанасия (Сахарова) / Авт.-сост. Г.И. Катъшев - М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. С.222-277.

Pagez.ru

<http://kiev-orthodox.org:80/site/worship/1685/>